

ДЕТЕКТИВ-АВАНТЮРА ДМИТРИЯ ПЕТРОВА

АЛЕКСЕЙ
РОМАШКИН

ЕВДОКСИЯ
РИМСКАЯ-КОТУЛИНА

ДАВИД
МДИВАНИ

АЛЬФОНС АЛЁША

— ЖЕНЩИНЫ ПЛАТЯТ ЗА ВСЁ —

ОТ СОЗДАТЕЛЯ БЕСТСЕЛЛЕРА ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС «КУРИЦЫН»

Дмитрий Петров

Альфонс Алёша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70279384

SelfPub; 2024

Аннотация

От автора электронного бестселлера «Жилой комплекс КУРИЦЫН». Скромняга Лёша Ромашкин становится успешным альфонсом, чтоб прокормить семью из семи женщин. У Лёши Ромашкина 7 любимых женщин: жена, мама, тёща, пратёща и новорожденные дочки-тройняшки. В старой дряхлой квартире, все на Лёшиной шее, но он верит, что всех отсюда вытащит. Вдруг в один миг Лёша лишается бизнеса, сбережений и влезает в долги, но зато попадает на семинар для успешных мужчин «Живи за счёт женщин». И тут в героя открывается редкий талант! Женщины сами несут деньги. Он альфонс от бога, но не всё так просто. Новый «бизнес» требует новых женщин, а Лёша верный муж. Конкуренты-альфонсы дышат в затылок, и тренер требует процент с гонораров, а иначе «жертвы» всё узнают. И самое страшное – в семье начинают о чём-то догадываться, и, догадавшись, тоже просятся в дело!

Содержание

Отец-молодец	4
Пратёца	12
Крылов	24
Москва слезам верит	33
Мэрия	38
Живи за счёт женщин	45
Бабка-террористка	51
Тренинг	55
Мамочка	59
Мамочки	66
Мисс Голливуд	73
За хорошее надо платить	77
Интим приветствуется	82
Катя	89
Лучшие девчонки у нас в клубе	94
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Дмитрий Петров Альфонс Алёша

Отец-молодец

Трёхместная нежно-коричневого цвета коляска-мутант размером с легковой автомобиль занимала целое парковочное место. Прохожие невольно оглядывались на неё, как на неопознанный объект. Коляска вызвала неподдельный технический интерес, во-первых, своей конструкцией (она была наживую сварена из трёх детских колясок-одиночек к борту борт), а, во-вторых, секретом управления. Лёша рискнул снять её со стояночного тормоза и чуть не опозорился на всю улицу. Для приведения коляски в движение требовалось как минимум два оператора с привлечением третьего – для осуществления манёвров. В довершение ко всему композицию венчали три пышных банта. Розовые на крайних люльках и почему-то голубой – на центральной. Словно экипаж для трёх новорожденных гаишников. Пользоваться коляской не представлялось возможным, но и выкинуть было нельзя, потому что подарок.

Чуть поодаль, обмахиваясь канцелярским планшетом, чернела большая, похожая на пингвиниху чиновница. Лёше казалось, что она следит за ним, проверяя, не попробует ли

он избавиться от этой конструкции, под шумок закатив куда-нибудь в кусты. Чиновница действительно посматривала в сторону Лёши, но на коляску ей было плевать: главное, чтобы этот папаша никуда не смылся. Вот к нему подошли две женщины, годящиеся ему в матери и тёщи. Одна из них тут же принялась что-то оттирать с его щеки, послунявив палец. Папаша отстранился, воскликнув: «Ну, мама!», на что женщина назвала его позорником.

«Надо его заранее озадачить, чтоб потом не запутался», – решила чиновница и направилась к Лёше.

– Ромашкин! Поздравляю!

– Спасибо.

– У нас с вами всё в силе? – чиновница ухватила его под локоть и потащила за собой. – Рожать не передумали?

– Очень смешно, – хмыкнул Лёша, – а по квартире всё в силе?

– В силе, в силе.

– Мы потому что со старой съехали... – И он попытался обратить внимание чиновницы на припаркованную возле коляски «Газель», набитую скarbом семьи Ромашкиных.

– Да, да...

– Сегодня? – настойчиво уточнил Лёша.

– Да, да...

Они остановились возле крыльца роддома, где ожидали камера, оператор и корреспондентка. Чиновница открепила от планшета какую-то бумажку, вручила Лёше, показав же-

стом, – мол, изучай, – и покинула его.

– КАМЕРА!!!

Лёша оторвался от чтения и увидел, что все вокруг глядят в одну сторону. В дверях роддома, наконец, появилась Катя, за ней – санитарки с тремя розовыми свёртками. Через мгновение перед ней уже торчала репортёрка с микрофоном.

– Какие ваши ощущения, подарив миру троих прекрасных близнецов?

– Трёх. У нас девочки. – Кате меньше всего сейчас хотелось делиться впечатлениями с безграмотной корреспонденткой и её телезрителями, и та быстро об этом догадалась.

– А где же наш отец-молодец?

Лёша ощутил дружеский подзатыльник и очутился в кадре. Сразу же в руках у него оказался один из розовых свёртков. Микрофоном тем временем завладела чиновница и завела чинно, но задорно:

– В честь этого уникального события молодая семья получает от муниципалитета детскую коляску... – она простёрла руку в сторону парковки, где озадаченно курили грузчики из Лёшиного фургона, – и...

Она вынула из кармана связку ключей.

– Ключи... От... Новенькой... Трёхкомнатной... Квартиры!!!

Чиновница вручила ключи Лёше и заплодировала сама себе. Тут же перед его носом оказался микрофон. Корреспондентка некоторое время молча смотрела на отца-молод-

ца, затем не вытерпела и строго спросила:

– Может быть, вы хотите кого-то поблагодарить?

Лёша, спохватившись, полез в свою в бумажку.

– Он не репетировал, что ли? – возмутилась репортёрка и велела оператору снова взять в кадр чиновницу, которая словно этого и дожидалась:

– Пусть три прекрасные девочки Вера, Надежда, Любовь радуют новоиспечённых родителей! Хочется выразить слова сердечной благодарности префектуре нашего округа и лично...

Лёша, наконец-то выпав из кадра, получил возможность заняться семьёй.

– Откуда они взяли эти имена? – спросил он у жены.

– Я не знаю, я домой хочу, увези нас, пожалуйста.

– Всё, всё, поехали. Мне сегодня ещё с работы уволиться надо.

Подоспели свекровь и тёща, распределили между собой розовые свёртки и собрались было двинуться в новую квартиру.

– Ромашкин! – Лёшу догнала чиновница с подозрительно деловым выражением лица. – Извините, а можно, пожалуйста, ключи мне обратно?

Лёша машинально вернул ключи, потому что просьба была очень убедительной. Чиновница положила их в свой карман, развернулась и пошла восвояси.

– Подождите! – спохватился Лёша. – Подождите, а что с

квартирой?

– А что с квартирой?

– Вы почему-то ключи у меня забрали...

– Потому что это мои ключи. От дома. Я их для кадра только использовала. Вы не против? – Чиновница была вежлива, как умная колонка.

Всякому терпению приходит конец, и Лёша себя тоже не на помойке нашёл.

– Да вы можете уже нормально объяснить, что у нас дальше с этой квартирой и как нам туда, наконец, въехать?! – заорал он так, что люди вокруг обернулись.

– Молодой человек, ведите себя по-мужски! – ответила чиновница вызывающе спокойно. – Думаете, что квартиры людям с неба падают? А порядок? А процедуры?

– Какие процедуры?

Чиновница закатила глаза (это приятно делать, когда владеешь чуть большей информацией, чем собеседник).

– Электрофорез! – сострила она, но, поскольку в её обязанности входило не только хамить, но иногда и служить населению, всё-таки дала несколько подсказок: – Вы возьмите и почитайте! Регламенты. На сайте. Спокойно идёте в отдел муниципального имущества. Без нервов, да? И в рабочем порядке всё получаете.

– Сегодня? – с надеждой спросил Лёша.

– Это уж как вы сами захотите, – пожала плечами чиновница и пошла домой.

– В смысле? Вы же обещали! Мы с вещами съехали! – Лёша был настолько вне себя, что догнал её и даже придержал за локоть.

– Гражданин, это что за потребительское отношение к государству? – Чиновница загорелась праведным гневом. – Привыкли только требовать! – эти слова она обратила к мирно стоящему оператору, словно приглашая того в соратники, и снова обернулась к Лёше, – Государство не просило вас рожать!

С этим она, конечно, хватанула лишнего. Да ещё рядом с телевизионной камерой. За такое может что-то и быть, если всё качественно зафиксировать.

– Ты это записал?! – закричал Лёша оператору, но тот лишь развёл руками. Чиновница сбежала, и в этот раз насовсем.

К Лёше подошла его беззаботная мама и спросила голосом женщины, сын которой опередил сыновей всех её подруг:

– Ну что, едем на новую квартиру?

В век вирусных видеороликов каждый владелец цифровой камеры мечтает снять что-нибудь такое, что его прославит и озолотит. Пусть «Государство не просило вас рожать» сегодня прошло мимо объектива, зато нашему оператору удалось запечатлеть забавную картину из семейной жизни. Он уже сматывал провода, когда заметил энергичную

заварушку и тут же расчехлил камеру. Забавные персонажи махали руками, ругались и делили розовые свёртки, пока грузчики на заднем плане пихали в фургон трёхместную детскую коляску невиданной системы. Всё это происходило перед крыльцом с огромной вывеской «Родильный дом имени Фёдора и Валентины Васильевых». Оператор даже придумал удачную озвучку: «Парень наделал детей трём бабам, а сегодня их всех выписали из роддома».

Отец-молодец едва держался под натиском любящих женщин. Это выглядело словно репетиция любительской пьесы с коротким броским названием «Суперблиц», где половина труппы отчаянно переигрывала, а главный мужской персонаж не знал текста.

К а т я. Что конкретно она сказала?

Л ё ш а. Читайте регламент, приходите в мэрию...

М а м а Л ё ш и. А зачем ты ей ключи отдал? Сейчас бы въехали в квартиру – и шиш нас выгонишь!

Л ё ш а. Да это же были её ключи!

М а м а Л ё ш и. А, ну да, ну да...

Т ё щ а Л ё ш и. А зачем ты съехал со съёмной-то квартиры?

К а т я. Да какая разница? Сейчас-то нам что? На улице ночевать?

Т ё щ а Л ё ш и. А почему ты раньше не смотрел эти регламенты?

М а м а Л ё ш и. Интересненько! А почему это вы

раньше не смотрели эти регламенты? Раз тоже не смотрели, придётся тогда ехать жить к вам!

Т ё щ а Л ё ш и. В однушку в Мытищах? Ха-ха! Уж лучше к вам, у вас хотя бы двушка!

М а м а Л ё ш и. В Серпухов?

Л ё ш а. Всё, успокойтесь! Сейчас поедем нормально в гостиницу!

Три женщины посмотрели на Лёшу, затем на фургон с мебелью, затем снова на Лёшу, и он устыдился. Вот что бывает, когда не ориентируешься в гостиничных ценах столицы.

– К маме моей поедем, – наконец сказала Лёшина тёща. – Чай не выгонит.

– К бабушке?! – воскликнула Катя, и по её тону можно было догадаться, что незадачливой семье было бы проще обосноваться на Луне.

– Ну, вы что, это же как-то неловко... – смутилась Лёшина мама, – Может лучше попросим, чтоб нас ещё немножко в роддоме подержали?

Пратёща

Убранство комнаты выдавало скорее творческую, чем домашнюю натуру хозяйки. Эклектичность собранных в ней вещей позволяла предположить, что большей частью это были подарки. Всяческие безделушки, книги, пластинки, шка-тулки, бронза, хрусталь, фарфор – занимали полки, верхнюю поверхность комода, выглядывали из-за стеклянных створок шкафов. Не расставленные, а складированные. Что называется, в тесноте, да не в обиде. Посередине комнаты располагался столик, а на нём – ничего, кроме печатной машинки. На заправленном в неё пожелтевшем уже листе один лишь заголовок: «История моей жизни».

Стены комнаты на всю свою четырёхметровую высоту были оклеены старыми афишами. Поверх обоев или вместо них. Среди этих плакатов даже самый взыскательный театр нашёл бы себе спектакль по вкусу: «Вишнёвый сад», «Гроза», «Отелло», «Укрощение строптивой», а также «Надежда Ленина» и «Новый год на новый лад».

Прямо поверх афиш располагались фотографии звёзд золотой поры кинематографа, и от их улыбок можно было ослепнуть. Так много снимков, будто в комнате проживала школьница-мажорка времён хрущёвской оттепели, если бы не один нюанс. Все они были собственноручно подписаны изображёнными на них знаменитостями, что автоматически

превращало эти образы как бы в подлинники. Кроме того, если бы кто-то вчитался в эти послания, он бы с удивлением понял, что на фото запечатлены вовсе не кумиры, а поклонники:

«Моей музе и королеве. Мечтаю вновь быть с тобой в одном кадре. Марчелло», – конечно, по-итальянски.

«Каждый день без тебя я сам не свой. Всегда твой Ален», – по-французски.

«To my love», – от красавца в красной куртке на серебряной гоночной машине. Бумага этого снимка слегка бугрилась, словно когда-то на неё падали слёзы.

Четыре десятка талантливейших мужчин с грустными улыбками на восьми языках мира клялись в любви одной единственной женщине. Только Константин Сергеевич Станиславский почему-то не подписал свой портрет.

Были и женские снимки. Среди них: пастушки, колхозницы, комсомолки, несколько царевен и цариц, сёстры Ульяновы, даже одна гусар-девица – и, что удивительно, все на одно лицо. Чьи же это фотографии? Не та ли это муза Марчелло, мечта Алена и богиня Марлона? Кто же она на самом деле? Это загадка. Но приглядитесь, и этот секрет раскроется вам. Смелей!

Вот совсем выцветший снимок. На нём – тонкая яркая девушка в платье эпохи Возрождения и подпись: «Джульетта – Е. Котулина». Здесь и другие великие драматические роли, подписанные тем же именем: Офелия, Катерина, Гертруда,

Кабаниха. Самая свежая хронологически фотография тоже давно выцвела, но лишь наполовину, потому что большую часть своей жизни перекрывалась распахнутой дверью. Подписано: «Кикимора – заслуженная артистка РСФСР Евдоксия Ардалионовна Римская-Котулина».

В комнату вошла Она. Поставила чашку чая с блюдцем на столик к печатной машинке. Опустилась на стул. Провела пальцами по клавишам, успевшим покрыться чуть заметным слоем пыли, и чуть загрустила – наверное, над «Историей моей жизни». Скользнула взглядом по стенам – и вдруг разгадала причину своей тоски. Конечно. Отвратительно немые снимки. Они молчат назло Ей, тогда как должны звучать, звенеть, шуметь криками «Браво!», музыкой, аплодисментами.

Она подняла крышку проигрывателя. Наклонив голову, прочла название пластинки и пожала плечами, дескать, ну пусть. Опустила иглу и вслушалась в шипение. Затем повернулась к окну и подняла руки в ожидании первых аккордов.

Взвизгнули скрипки, вступили клавишные. И Она закружилась в танго, наплевав на то, что каждое па могло стоить Ей жизни. В Её-то возрасте. Что вы знаете о том, как рубиться под музыку? Сегодня Она даст фору любой школьнице. «В бананово-лимонном Сингапуре...» Танцуй, будто никто не видит. Пой, словно... И Она запела: «Там. Там. Тай-ти-ри-дам...»

Да, она угадала с рецептом от скуки. Ей захотелось, может быть, даже открыть окно. Там, кажется, лето? Там, кажется, жизнь? Та, что зачем-то до сих пор держит Её в заложниках на этом свете. Раз держит – пусть развлекает! И Она добавила себе в чай пару крышечек коньяку (а почему нет?), не подозревая, что её прекрасное печальное одиночество вот-вот будет поправлено самым возмутительным образом.

– Господи, умерла она там, что ли? – раздражённо говорила Катина мама, снова и снова нажимая на кнопку дверного звонка. Лёшина мама тем временем брезгливо осматривала обшарпанный столетний подъезд.

– А у вас есть свой ключ? – спросил Лёша и поудобней перехватил свёрток с дочкой. Тёща замаялась:

– Есть-то есть, да только... – и многозначительно вздохнула.

– Это у неё музыка играет?

Тёща решила добавить к звонкам в дверь несколько крепких ударов и добилась результата: свёрток в Лёшиных руках проснулся и запищал. Вслед за ним пробудились и остальные два. Тёще ничего не осталось, как применить свой ключ.

– Дочь моя женщина! – схватилась за сердце Евдоксия Ардалионовна, когда вдруг на пороге её комнаты возникли незваные гости. Лёшина тёща прошла в комнату и сняла иглу с проигрывателя.

– Это что за новости? – возмутилась хозяйка.

– Здравствуй, мамочка. Ты почему трубку не берёшь?

Евдоксия Ардалионовна пропустила вопрос мимо ушей. Её вниманием завладели трое в дверях с тремя ревущими свёртками на руках.

– Я поняла. Это всё из-за таблеток... – задумчиво протянула она и двинулась к проигрывателю, собираясь продолжить вечеринку, однако не слишком почтительная дочь своим раздражённым «Мама!» окончательно убила настроение.

Площадь кухни позволяла в один приём развернуться КамАЗу, но гости скромно ютились по стенкам, поджав ноги, словно в малогабаритке. Лёша и его мама сидели с уже спящими младенцами на руках. Катя кормила третью девочку. Возле обеденного стола в позе царевича Алексея перед отцом его Петром стояла Лёшина тёща. Тикали часы и чмокал младенец. Евдоксия Ардалионовна маршировала по кухне, дирижируя чайной ложкой.

– Одну минуточку, мне надо ухватить концепцию, – проходя мимо Кати, она ласково коснулась её головы, – Стало быть, Катенька родила тройню от этого недоросля...

– Мне тридцать три! – вставил Лёша и вдруг сам застеснялся своего голоса.

– Молодой человек, я старше вас в три раза. Попридержите свой! – И Евдоксия Ардалионовна посмотрела в потолок, возвращаясь к предыдущей мысли. – Мда... И за это кто-то

пообещал им квартиру.

Всё семейство закивало. Хозяйка продолжила:

– Квартиру не дали... И тогда вы решили поселиться у меня...

– Всего на пару дней! – уточнила Лёшина тёща.

– На пару дней меня просили заменить Бабу Ягу в ТЮЗе. Я потом на сорок лет стала заложницей образа, – парировала Евдоксия Ардалионовна и обратилась к Лёше.

– Вот что... Алёша, скажите, а чем вы живёте? У вас служба или капитал?

– Что-что? – не понял Лёша.

– Я спрашиваю, чем вы будете кормить семь женщин в этой квартире! – слегка форсируя голос и уже с некоторым раздражением пояснила хозяйка.

– Ну, сейчас я увольняюсь с работы... – начал Лёша обстоятельно, но не смог продолжить. Евдоксия Ардалионовна уронила на пол ложку и медленно села.

– Как вы сказали?

– Я увольняюсь... – залепетал Лёша, глядя на хозяйку, выражавшую удивление, граничащее с нокдауном, – и открываю свой бизнес. Это будет компьютерный класс.

– Он заделал троих детей и увольняется! – Евдоксия Ардалионовна всплеснула руками. Затем она попыталась встать, но не смогла: силы покинули её.

– Мама, не переигрывай, – заметила на это Лёшина тёща.

Пойманная врасплох, хозяйка сбавила обороты и, взяв па-

узу, молча насыпала в чашку чая пять или шесть ложек сахара.

Тем временем Лёша шепнул Кате:

– Там газель ждёт...

Катя жестом велела ему терпеть.

– Мне ещё на работу надо! – Лёша чуть-чуть обиделся. Катя проигнорировала мужа. Слово вновь взяла Евдоксия Ардалионовна.

– Это сколько? Лет десять ко мне носа не показывали?

– Так ты же сама... – попыталась возразить Лёшина тёща, но мать перебила её.

– Но самое интересное – как вы себе это представляете – жить тут? – При этом хозяйка так уничижительно интонировала слово «тут», будто речь шла не о четырёхкомнатной квартире, а о ветхой землянке, – С тройней!

И тут Лёшина мама вдруг взяла, да и ляпнула:

– Вы не переживайте, ведь я тоже буду помогать!

Теперь Евдоксию Ардалионовну уже никто не обвинил бы в чрезмерном гротеске. Того требовал вызов. Глаза престарелой актрисы раскрылись так, что, имейся в одном из них монокль, он неминуемо бы выскользнул.

– Что-о-о? – вскричала она, и с деревьев за окном слетели птицы, – Кто из вас ещё собирается тут жить?!

Ответом ей был хор мгновенно проснувшихся младенцев.

Евдоксия Ардалионовна, несмотря на несносный харак-

тер, никогда не была настолько бездушной гадиной, чтобы вышвырнуть за дверь живых людей. К тому же семейство клялось, что вся эта временная мера продлится не дольше чем два дня. С некоторыми оговорками наступила стадия принятия.

Грузчики, тихо переругиваясь, тащили в квартиру дарёную коляску. Лёша принёс последние узлы и пакеты и громко попрощался:

– Я на работу! Меня там уже потеряли!

– Чего ты орёшь? Тут дети! – зашипела на него Катина мама, и Лёша поспешил сбежать. Вездесущая Лёшина мама не преминула заметить, что вообще-то новорожденным младенцам не нормально просыпаться от каждого шороха, однако от предложения пойти и родить себе нормальных отказалась.

Оценив масштаб приближающейся коляски, тёща наобум открыла первую попавшуюся дверь и замерла в нерешительности. Её взору предстала тёмная комната, до потолка занятая туго набитыми мешками.

– Давайте попробуем сюда занести, – скомандовала она грузчикам.

– Здесь занято! – объявила вдруг невесть откуда возникшая Евдоксия Ардалионовна и захлопнула дверь.

– Мама! – Лёшина тёща отняла у матери сигарету на длинном мундштуке.

– Это неслыханно! – воскликнула хозяйка, но вместо того,

чтоб отстоять себе право курить в собственном доме, бросилась на кухню: ей почудилось, что там орудует кто-то посторонний.

Так и оказалось. Лёшина мама без спросу расчехлила кухонный телевизор и беззаботно переключала каналы, набив рот печенюшками. Евдоксии Ардалионовне пришлось подарить гостье весьма продолжительный ледяной взгляд, пока та наконец не почувствовала каплю неловкости.

– От этого мозг превращается в желе, – сказала хозяйка, кивнув на телевизор. – Не советую.

– Я же чуть-чуть совсем, – жалобно проскулила Лёшина мама и собралась было всё выключить, как вдруг закричала, тыча пальцем в экран: – О! О! О! Нас показывают!!!

«... Уникальная семья получила ключи от новой трёхкомнатной квартиры из рук представителя префектуры, – вещал диктор, пока камера показывала Катю, Лёшу и других на крыльце роддома. – Город поддержал новорожденных тройняшек-девочек Веру, Надежду и Любовь...»

– Одну минуточку! Одну минуточку!!! – услышал Лёша, садясь в машину, – Мошенники! Хамы! Караул!!! – нёсся из дома крик Евдоксии Ардалионовны, сопровождаемый плачем трёх младенцев.

Немедленно вернувшись в квартиру, Лёша узнал подробности из уст самой хозяйки.

– Подлые обманщики! Ага! Вот и он! Я всё видела! Тебе дали ключи от квартиры! Под камеру! Какого чёрта ты там

не живёшь?! Почему ты мне лгал?!

– Я готова слушать, – церемонно молвила Евдокия Ардалионовна, допив свой чай. Чаепитием Лёша, его мама и тёща попытались выиграть время, чтобы Катя смогла уложить девочек, а хозяйка квартиры – успокоиться. Лёша, пожертвовав ещё четвертью часа рабочего времени, успел почитать регламенты предоставления жилья, ужаснуться и подумать, как интерпретировать эти новости для Евдокии Ардалионовны в положительном ключе.

На кухне воцарилась деловая тишина.

– Точно готова? – на всякий случай спросила Лёшина тёща.

– Говорите.

Лёша поймал на себе ободряющие взгляды обеих своих мам и осторожно начал:

– Они, в смысле, мэрия, готовы выдать нам квартиру...

– Но?

– Но есть одно НО...

– Так говори же, дьявол! – проскрежетала Евдокия Ардалионовна.

– Они требуют, чтоб девочки были где-то прописаны, – сказал Лёша доверительно. – Где-то в Москве. Например, тут. Такие правила... – И с этими словами Лёша повернул к хозяйке экран смартфона, демонстрируя регламент.

Редко кому удаётся так угадать с подарком. Коляска идеально вписалась в комнату Ромашкиных от стенки до стенки. Да, помещение, что служило Евдоксии Ардалионовне гостиной, уже лет двадцать не знавшей гостей, отныне стало называться «комнатой Ромашкиных». Катя только что уложила всех девочек по люлькам.

Наконец-то сама присела, затем прилегла, а потом вдруг в комнате появился огромный пепельного цвета кот. Не вошёл, а именно появился, но Катя этому почему-то не удивилась. Он запрыгнул на подоконник, лапой дотянулся до коляски с девочками и, мерно её покачивая, заговорил:

– Проблема высыхания Аральского моря заключается в следующем...

Тут кот неожиданно вздыбился и ни с того ни с сего закричал голосом, отчего-то ставшим похожим на бабушкин:

– Что?! Что ты сказал?! – и сразу единым неистовым аккордом взревели все отсеки коляски. Кот не на шутку перепугался и почёл за лучшее бесшумно лопнуть. Лишь тополиные пушинки колыхнулись в том месте, где он сидел. Катя проснулась, и ноги сами понесли её на кухню.

– Идите и сами теперь их укладывайте! – закричала она на всех сразу.

Первым приказу подчинился Лёша. За ним проследовали мама и тёща.

– Катерина! Зачем ты полюбила идиота?! – в искреннем недоумении спросила Евдоксия Ардалионовна, оставшись с

внучкой наедине. Катя хотела что-то ответить, но, сделав пару вздохов, не удержалась и ударилась в рыдания. Бабушка, миллион раз утешавшая на своей груди молодых девушек по сценарию и без него, совершенно растерялась и принялась успокаивать Катю, первым, что пришло в голову:

– Ну, ну, девочка моя... Ты молодая, ты ещё сможешь найти себе удачную партию.

Лёша же, первым прибывший к ревущей на три голоса коляске, испытал настоящее облегчение, когда со словами «Работать кто за тебя будет?» мама развернула его за плечи и выставила вон из квартиры.

Крылов

Страшно подумать, что станет с человечеством, когда роботы окончательно вытеснят профессию водителя. Стоило бы как-то законодательно оттянуть этот момент. Сегодня любой мужчина может в случае чего сесть за баранку и уже к вечеру добыть насущный хлеб, особо не вспотев. Для этого даже не обязательно иметь свой автомобиль. Умеют все. Это вам не сто лет назад, когда водитель должен был обладать квалификацией машиниста паровоза. Востребовано всегда, и потому выручает. Вот и Лёша Ромашкин шофёрил помаленьку, «пока не выстрелит настоящая тема».

– А я уж думал на метро пересесть!

Сергей Михайлович Крылов был из тех начальников, с которым можно перекинуться доброй шуточкой. Например, о том, что одна поездка в метро укорачивает жизнь человека на 10-40 минут. Однако сегодня Лёше было очень совестно за то, что он подвёл хорошего человека.

– Простите, что задержался. Нас сегодня из роддома выписали. – Лёша источал искреннее сожаление, а повинную голову и жена не мылит.

– Будни многодетного папаши? Хе-хе, – Крылов с Лёшей переглянулись в салонном зеркале – был у них такой мужской ритуал – и наконец-то поехали.

– Как теперь справляться будешь с непривычки?

У Лёши имелись кое-какие соображения относительно нового уклада, и эти мысли непосредственно касались Крылова. Тут было не отделаться ничего не значащим «как-нибудь помаленьку», ведь Лёша кое-что задумал. Настала пора нелёгкого объяснения. Надо съесть лягушку, как говаривал Марк Твен.

– Сергей Михайлович... Я хотел сказать... Я увольняюсь от вас.

– Как это?

– Вот... – Лёша старался придать голосу уверенной беззаботности. – Пора открывать новые горизонты. Свой бизнес начинаю, – и он сдвинул брови, чтобы больше походить на бизнесмена.

Крылов удивлённо уставился на сурового Лёшу и смотрел довольно долго, пока наконец не кивнул с понимающим непониманием.

– Так это у тебя как в тот раз, что ли, с майнинговой фермой?

Это было уже давно. Страстный до всего модного и технологичного, Лёша не мог пропустить появления такого явления как криптовалюта и решил стать в авангарде движения добытчиков. Как Стаханов. На все свои деньги (Лёша никогда не скупился на перспективные начинания) он закупил оборудования и мудро поступил: очень скоро всё подорожало.

Бережно относясь к ресурсам, Лёша настроил добычу в городской квартире и результат не заставил себя ждать. Ферма была так эффективно и тонко отлажена, что от любой дополнительной нагрузки в доме вышибало пробки. Лёша превентивно повыдёргивал все бытовые приборы из розеток, потому что ничто не должно было мешать успеху бизнеса. Оборудование грелось, как сто мартиновских печей, но обещало окупиться в ближайшие месяцы.

Ждать у моря погоды – не в характере Лёши. Почему бы не оседлать побочный эффект? Не превратить недостаток в достоинство? Когда судьба даёт лимон – сделай лимонад. Не отпускать же тепло в атмосферу, если за него уплачено.

Лёша сменил белый халат на крестьянскую робу. Поверх своего суперкомпьютера он установил лотки и клетки с перепелиными яйцами. Это был гениальный ход – совместить майнинговую ферму с перепелиной. Тепло в дело. Цифра и мясо. Крипта и яйца.

Через час после внедрения нововведения какое-то испорченное яйцо протекло. Коротнуло одну видеокарту – и сразу вторую. Полчаса обе фермы обильно искрили и дымили – это была агония – и на тридцать первой минуте безвременно ушли.

– Просто рынок не был готов, – так комментировал тогда Лёша свой скоропостижный выход из бизнеса, – Макроэкономические факторы. Пришлось продать проект на пике и двигаться дальше.

– Увольняется он... – проворчал Крылов. – Надо как-то, наверное, предупредить...

– Я просто ждал, когда всё точно сложится. С первого сентября открываю компьютерный класс в бизнес-инкубаторе. Рядом с новым домом. Нам же квартиру дают. Буду детей учить программированию.

Сказав это, Лёша не удержался и размечтался. Перед глазами его возникли юные Биллы Гейтсы и Стивы Джобсы в свитерах и водолазках. Вот они неистово кодят на компьютерах, совещаются, пьют кофе из бумажных стаканчиков. Каждый день они выдают на-гора десятков перспективных стартапов, каждый из которых обещает от одного до ста миллионов в ближайшие полгода...

– ...долларов, конечно. И главное ноу-хау – это в договоре прописано – все права на стартапы у меня, а значит, и прибыль. Так и становятся миллионерами.

– Водитель ты для души, а вообще-то у тебя свой бизнес... – кивнул Крылов в зеркало, но Лёша не услышал в его голосе ни капли сарказма – только уважение.

– Спасибо!

– Ты подумай, может, останешься? Обсудим зарплату. Ну что ты там в инкубаторе? Это же даже как бы не бизнес. Бросаешься, как в омут с головой.

Немного обидно, когда почти родной человек настолько тебя не верит. Что ж, посмотрим, что все они скажут через

годик.

– Спасибо, но нет, Сергей Михайлович. Надо же и мне с чего-то начинать... Но до тридцать первого августа я ваш! Можно мне, кстати, будет на машине пока?.. –И Лёша показал жестом, мол, ездить туда-сюда.

– Уж бери уж, что уж.

Казалось, Крылов слегка надулся, как человек, которому ни с того ни с сего сломали удобный порядок жизни. Стоило бы ему сказать что-то согревающее, но вот они уже приехали, и Лёша остался в машине один. Наступило самое рабочее время.

Своим успехом Лёша был обязан умению эффективно использовать любую свободную минуту. Тайм-менеджмент. Множество деловых вопросов можно решить с телефоном и ноутбуком, не покидая машины, и Лёша в совершенстве владел этим приёмом. Сейчас ему предстояло без унынья и лени:

1. Сделать дыхание для раскрытия четвёртой и пятой чакры, раз утром не успел.
2. Пролистать обновления каналов наставников: хочешь стать лучшим – учись у лучших.
3. Чтение: сто страниц – дневная норма для тех, кто хочет жить, а не выживать.
4. Ежедневное ведение соцсетей – развитием личного бренда нельзя пренебрегать.

5. Решение стратегических вопросов – тут не может быть мелочей. Например, даже своих дочек Лёша назвал с прицелом на будущее. Афина, Офелия и Ева – эти имена идеально подобраны, чтоб когда-то дать названия собственным брэндам: ювелирному, парфюмерному, модному. Ну, хорошо, допустим, первые два ещё под вопросом, но с Евой всё уже окончательно. «Костюм от Евы» – не правда ли, звучит?

6. Кроме всего прочего Лёша запланировал дочитать эти мэрские регламенты.

Через полчаса кропотливой работы его застал звонок любимой:

– Нам сделают регистрацию! Сегодня! Моя бывшая одногруппница работает в паспортном столе, мы прямо на дом её вызвали, есть такая услуга.

– Я делаю это только ради правнучек! – раздался на заднем плане недовольный голос Евдокии Ардалионовны.

Лёша ощутил прилив ресурса. Вот что значит грамотное делегирование. Удача улыбается сильнейшим. Можно будет и в мэрию сегодня успеть.

В машину сел Крылов.

– Поехали!

Лёша тронулся, прикидывая, как бы ему обнаглеть до такой степени, чтоб отпроситься с работы пораньше часа на три. Притом, что сегодня он опоздал на четыре. Всё решилось само собой. Крылов ещё не успел сообщить точный ад-

рес следования, как у Лёши снова зазвонил телефон. Он принял вызов по громкой связи, ибо сказано в писании: не при помощи рук, а только посредством специального устройства.

– Лёша! Нам детей перепутали! – это был голос Кати.

– Как перепутали? В роддоме?

– Лёша, ты дурак?

Лёша не нашёлся, что на это ответить, да ещё и без использования рук.

– Просто высади меня у метро, – сказал помрачневший Крылов, и это было оптимальным для всех решением.

– Никому не двигаться!

Катя с бирками в руках закрыла собой тройняшек, не подпуская к ним бабушек, которые замерли с виноватыми лицами.

– Вы которую мыть носили? – спросила Катя у свекрови.

– Эту, – мама Лёши не совсем уверенно указала на одну из внучек.

– Да где там! Эту я носила! А ты – ту! – вмешалась Катина мама.

Намытые девочки радостно дрыгали ногами, будто им нравилось быть перепутанными.

– Почему у них бирки сняты?! – взвизгнула Катя. – Почему?!

Тёща и свекровь хранили молчание – а что тут скажешь?

– Ещё раз! – снова начала Катя. – Ты которую носила?

– Эту. Вроде бы.

– А где она до этого лежала?

Тут на шум в комнате появилась Евдоксия Ардалионовна и мигом оценила обстановку.

– Боженька моя! Перепутали? Ай-яй-яй! Ша! Разойдись, я сказала! – с этими словами она подошла к люлькам и склонилась над девочками. – Ну, что ж вы шум-то подняли? Это Афина, это Офелия, а это Евочка! Да?

Девочки не возражали. Прабабушка показала правнучкам козу и повернулась к изумлённым женщинам.

– Чего вы на меня уставились? Я сердцем чувствую. Когда любишь, разве перепутаешь? Катенька, золотко, не надо так переживать – молоко пропадёт... Ой! У меня же чайник!

И добрая старушка выскользнула из комнаты, оставив Катю надевать бирки на ручки дочерям.

– Разорались, истерички, – ворчала Евдоксия Ардалионовна, шаркая по коридору, – Перепутали! Какая разница, когда они одинаковые? Геморрой на мою голову... – И она закрылась в своей комнате строить планы по выселению докучливой родни.

Лёша как попало бросил машину посередине двора и помчался в дом. Вбежал в квартиру, скинул ботинки и ринулся к семье, как вдруг неведомая сила выдернула его из летнего дня в какую-то космическую ночь, и он очутился в комнате с зашторенными окнами, которая освещалась лишь улыбками

кинозвёзд.

– Ни слова! Все спят! – ощутил он на своей шее нежный шёпот хозяйки квартиры.

– Но там...

– Спокойно, юноша! Я с ними разобралась. – Евдоксия Ардалионовна смерила Лёшу взглядом, добавила, – а теперь и с тобой разберусь, – и насильно усадила пленника в глубокое кресло.

Москва слезам верит

– Знаешь ли ты, Алёша, как мне досталась эта квартира? Вы, дураки, почему-то думаете, что в Союзе всем подряд жильё бесплатно выдавали. Как бы не так! Будь любезен очередь отстоять. Лет так двадцать пять. Доживали не многие. Быстрее других получали строители и всякая там тяжёлая промышленность. Нам, служителям муз, всегда кости с ливером. Художник должен быть голодным. Я в очередь встала сразу, как перебралась в Москву. Девочка из рабоче-крестьянской семьи. И каково же мне было узнать после десяти лет в коммуналке, что квоты срезали. Говорят, не в этот год. И не факт, что в следующий. И вообще... А у меня пузо! Твою вторую маму ждала. Терять мне было нечего.

Пошла в горисполком. Тоже лето, жара. Прямо к председателю. А его нет! Секретарша, дрянь, ну меня прогонять. Дескать, по личным вопросам в последний четверг приходите. Аж напирает, аж толкает меня. Долго мы с ней боролись. Тут и сам председатель является.

– Что, – спрашивает, – тут у вас творится? По какому вопросу?

– По квартире, – секретарша ему говорит, да так едко, – не можем, мол, отделаться.

Он-то видит, что я беременная. Сторонится меня. А я знаю, что этого сухаря словами не проймёшь, он тёртый, всё

нипочём. И начинаю... плакать! Натурально включаю дождик. А это у меня природный талант. Бывало, дам со сцены слезу – и по всему залу мокрота покатится. Платочки достают. Дождь!

Не по себе председателю. Он юрк в кабинетик свой, мол, разбирайтесь без меня. А у меня намерения серьёзные. Сижу, реву, мне торопиться некуда. В театре каникулы. Крыса эта меня не трогает – я мокрая. Терпит.

Долго ли, коротко ли, председатель выходит на обед. Видит снова меня, делает своей крысе вопросительный знак. Та руками разводит. Я реву, работаю – это только прелюдия. У меня хоть на весь день концерт в запасе.

С обеда он уже боязливо шёл. Крыса ему намекать стала, мол, поговори с этой умалишённой. Он встал надо мной, пытит, руками шевелит, но трогать не решается. Я реву – останавливаться нельзя. Он снова в кабинете спрятался. Я публику чувствую, стала нотами добавлять. Секретарка уже хочет вешаться. Посидит, посмотрит на меня, потом наберёт документиков и бежит к председателю. И только дверь распахнётся – я голосом усиливаю.

Приходили к нему делегации на совещания. Туда идут – на меня головами качают. Обратно – тоже. Понятное дело: председатель довёл до слёз бабу беременную.

Одолела я его. В шестнадцать тридцать выходит и командует мне:

– Вы! Зайдите!

Секретарка аж руки к небу подняла!

Решилось всё быстро. Ордер председатель лично мне подписал. В ту же неделю я отмечала новоселье. Вот таким нехитрым путём, Алёша, и я добыла себе четырёхкомнатную квартиру. Репетиции, репетиции и ещё раз репетиции.

Евдоксия Ардалионовна сделала реверанс, и руки восхищённого Лёши сами собой заплодировали. Однако хозяйка затащила его сюда не для того, чтоб развлекать актёрскими байками.

– Давай, покажи-ка мне, как ты пойдёшь в мэрию, – сказала она режиссёрским тоном.

– Э-э... В смысле?

Евдоксия Ардалионовна жестом словно пригласила Лёшу на сцену.

– Почему чиновник должен тебе поверить?

Лёшу стала напрягать неприятная назойливость старушки.

– Вы не понимаете. Там всё уже решено, там этого ничего не надо, – объяснил он мягко, – просто бюрократические процедуры...

Евдоксия Ардалионовна остановила его силой внутренней харизмы, чуть приподняв ладонь.

– Алёша, послушай опытную женщину. Я ведь, получается, твоя... пратёща?

Раз уж пошла тема друг друга перебивать, то и Лёша не

остался в долгу.

– Не переживайте, всё будет хорошо, вопрос мной изучен. Через два дня мы уже точно от вас съедем, – и он встал, намереваясь выйти из комнаты, но не успел.

– Ну-ка, попробуй, заплачь. – Евдоксия Ардалионовна положила Лёше на плечо свою сухую руку.

– Зачем? – нервно усмехнулся празять.

– Это может тебе пригодиться.

– Но я не умею плакать по щелчку! – возмутился Лёша, слегка теряя терпение.

– Любой тупой футболист может заплакать по щелчку, – возразила пратёща. – Чем ты хуже?

– Ну, футболисты, наверное, плачут от боли? – ответил Лёша, невольно стараясь высвободиться.

Евдоксия Ардалионовна отпустила его, но только затем, чтоб вооружиться старинной увесистой тростью.

Катя открыла глаза. Почудилось, что ли?

– Ай! – донеслось из-за стены.

Нет, не почудилось.

– Ай! Что вы делаете?!

Катя вскочила и кинулась в комнату бабушки. Ворвавшись, она увидела более чем странную картину. Лёша щемился в углу, а пратёща замахивалась на него тростью, целясь по коленям:

– Покажи мне эмоцию! Смотри! Смотри, как я! Дощщщ!

– Катя, сделай что-нибудь! – взмолился Лёша.

– Бабушка! – закричала Катя. – Что ты делаешь? Лёша, почему бабушка плачет?

– А, Катенька! – откликнулась Евдоксия Ардалионовна самым беспечным тоном. – Мы репетируем. Кажется, твой Алёша недостаточно мотивирован, чтоб съехать от меня. Не верю!

Мэрия

По регламенту на это требуется месяц, но вам по дружбе почему бы не сделать за час? Там делов-то... Тут надо через МФЦ подавать заявление на имярека, но вам всё решат по телефонному звонку без пустых брожений, и в очереди стоять не потребуется.

Этой силой в России двигаются горы, и имя ей «блат». Нет такого вопроса, которого не решат хорошие люди для хороших людей. То есть, всё могут сделать, когда захотят, но делают это как можно реже, ведь иначе пропадёт весь смысл блата.

Всё прошло как по маслу. К назначенному часу явилась паспортистка. Евдоксия Ардалионовна для порядка поворчала, но зарегистрировала на своей жилплощади одним махом пять душ. Пошутили о том, сколько бы Ромашкиным пришлось ждать, если бы не свои люди. Высохли чернила новых штампов, и, вдохновлённый взятым темпом, Лёша рванул в мэрию, рассчитывая закрыть вопрос одним рабочим днём.

– А вам квартира не полагается, – сказала девушка с глазами как у лани, подняв их от Лёшиных документов.

– Как это не полагается? – рассердился Лёша. – Девять месяцев полагалась, а теперь не полагается?

Он не испугался и не огорчился, а просто испытал раздражение: ну чего там ещё ковыряться в бумажках, когда всё давно решено?

– Ну, вот, – указала девушка аккуратным ноготком, – у вас на каждого ребёнка уже по двадцать метров площади есть. С сегодняшнего дня.

– Так это же у вас в регламенте написано, чтоб дети были зарегистрированы!

– Всё правильно, – терпеливо согласилась она. – Потому что...

– ...они тоже должны быть москвичками, – эту фразу они с Лёшей закончили хором, кивая друг другу.

– Но если дети обеспечены площадью более, чем нормативной, – продолжала девушка, – то на основании чего им что-то выделять? У вас царская квартира в сто двадцать квадратов.

– А какой норматив? – не сдавался Лёша.

– Для семьи из трёх и более человек минимум восемнадцать метров. То есть, в вашем случае, максимум.

Лёша разразился отборными, но всё же уместными в обществе проклятиями в адрес устройства жизни. Его тирада вызвала безусловное сочувствие собеседницы, но, конечно, ничуть не навредила несправедливой системе.

– Мы готовы простить вам срок проживания в регионе – менее пяти лет, – девушка будто извинялась, – закрыть глаза на то, что вы не совсем малоимущие (она покосилась на

брелок Мерседеса на Лёшином поясе). Но у вас уже есть по двадцать метров на человека.

– А если мы пропишем ещё кого-нибудь? – нашёлся Лёша, – У нас две бабушки есть!

– Это уже будет ухудшение жилищных условий, – закивала девушка, но не в знак согласия, а в знак того, что предугадала Лёшину мысль. – Вам надо было бабушек раньше прописать.

– Это же маразм!

– Это регламент.

Лёша почувствовал, как впадает в отчаяние.

– Да вы видели эту квартиру? Ей сто лет – из стен кирпичи вываливаются!

– Вставайте в очередь на расселение из ветхого жилья. – Девушка искренне подсказывала оптимальные варианты.

– Да какая очередь?! – простонал Лёша, в глубине души понимая, что собеседница желает ему добра. – Нам сейчас жить негде! Мы под одной крышей с сумасшедшей старухой!

– Мужчина, вы сами не знаете, чего вам надо! – вдруг прозвучало из-за другого стола, а точнее из-за огромного монитора, что стоял на том столе.

– Да вы лучше меня знаете, чего мне надо! – Лёша ринулся на голос. – Я сюда несколько месяцев ходил! Вы же все меня помните!

– У нас таких, как вы, тут каждый день по двадцать человек, – ответили ему, даже не оторвавшись от монитора.

— А раз по двадцать человек, то почему нельзя нормально объяснить, как быть и что делать? Вы почему подставляете-то людей?

— Ой, вот не надо только вот этого... Вы ещё заплачете тут. — Её высокоблагородие наконец обратило к Лёше своё лицо, но не из вежливости, а чтоб показать во всю его ширину своё презрение.

Увы, даже всесильный блат не гарантирует отсутствия сучков и задоринок. Это ведь тоже в каком-то роде посягательство на общественный строй, а он к себе такого отношения не прощает. Ускорив регистрацию тройняшек, но не посчитав норм квадратуры на человека, Ромашкины обрекли себя на проживание под одной крышей с Евдоксией Ардалионовной. Система посмеялась над ними.

Грустнее самого грустного котёнка Лёша вернулся в квартиру пратёщи, сознавая, что теперь ещё очень долго будет называть это место своим домом. Женщины встретили его траурным построением. Парад разочарования и огорчения. Все уже всё знали. Катя была зеркальным отображением Лёши. Поклявшаяся делить с ним и радости, и горести, и самую фееричную лажу, она оставалась верной брачному обету. Тёща держалась достойно: в конце концов она сама проглядела, когда этот парень влез к ним в семью и испортил жизнь её дочери. Пратёща была похожа на грозовую тучу, а в её глаза, метавшие молнии, Лёша боялся даже взглянуть. Бодрее

всех смотрелась Лёшина мама, святая простота. Услышав от Евдоксии Ардалионовны едкий комментарий про «временные трудности», она не уловила сарказма, который полярно менял смысл фразы, и потому не теряла оптимизма.

С лица Лёши можно было писать мальчика для картины «Опять двойка». Наконец, подобно преданной Пенелопе, Катя бросилась к мужу и трепетно прижалась к нему. Лёша спрятал своё лицо в её волосах и оттуда наконец украдкой посмотрел на пратёщу.

– Ты плакал? – требовательно спросила Евдоксия Ардалионовна, держа наготове знакомую Лёше трость.

– Нет, – еле слышно прошептал празять.

– Идиот! Иди немедленно! – закричала она и подняла своё оружие.

– Евдоки... Есдокси... Ар... – Лёша спрятался за Катю и с перепугу запутался в имени-отчестве любимой пратёщи.

– Да называй меня уже просто бабушкой! Внучок! Господи, за какие грехи ты ниспослал мне в квартиру такого остолопа? – С этими словами, передёргиваемая отвращением, Евдоксия Ардалионовна направилась в свою комнату, но не стала закрывать за собой дверь – вдруг придёт в голову ещё какое-нибудь удачное ругательство.

Шатающегося Лёшу проводили в комнату Ромашкиных.

– Живёшь за счёт женщин? Забери мою пенсию! – донеслось из комнаты Евдоксии Ардалионовны. – Альфонс! Не жалейте его!

Лёша склонился над дочками, тихо спящими в тройной коляске. Катя обняла его со спины и прошептала:

– Это ничего. Мы же раньше не рассчитывали на ту квартиру. Сами на себя рассчитывали.

За каждым великим мужчиной стоит великая женщина – гласит английская пословица. Лёша Ромашкин, хоть и объективно не ощущавший себя сейчас великим, остро нуждался в крепком тыле и получил его авансом от своей нежной жены.

– Ты права. Забыть и двигаться дальше. – Слова Лёши звучали, как самовнушение. – Сосредоточимся на проекте. Он мощный, я в него верю. У тебя есть мелочь, кстати? Завтра надо бумагу купить.

Катя метнулась к сумочке.

– Возьми тысячу пока... Я у мамы попросила.

Лёша бережно взял деньги. Затем он открыл большую пачку воздушных шариков, достал один для Кати, а другой для себя.

– Прорвёмся. Я за сентябрь чистыми хочу заработать пятьдесят тысяч. В октябре – сто. К концу года – лям. Сейчас очень талантливые дети. А теперь надо потрудиться.

Лёша подмигнул жене, и они принялись наперегонки надувать шарик.

Евдоксия Ардалионовна направлялась в уборную в состо-

нении тихого негодования. Это была уже вторая попытка за последние четверть часа: в прошлый раз там было занято. В её собственной квартире! Она снова решительно потянула дверь, и снова безуспешно. Скрипнув зубами от ярости, хозяйка требовательно постучала и прислушалась. Вскоре она с удивлением различила звуки возни, хихиканья, скрипов и вздохов. Но не в уборной. В комнате Ромашкиных. Исполненная праведным гневом, Евдоксия Ардалионовна вломилась к обнаглевшим постояльцам:

– Не смей размножаться в моём доме!!!

Лёша и Катя замерли с полунадутыми шариками в зубах. Пратёща провела взглядом по комнате, пол которой уже по колено был завален надутыми.

– Это какой-то новый вид извращения, которого я не знаю? – поинтересовалась она.

– Это для бизнеса, – ответил Лёша, однако голос его дрогнул, будто пратёща была права. – Украсить класс. Послезавтра начинаю учить детишек.

Евдоксия Ардалионовна смерила Лёшу презрительным взглядом и молвила, прежде чем закрыть за собой дверь:

– Антон Павлович Чехов однажды заметил: умный любит учиться, а дурак – учить.

Живи за счёт женщин

Кто и когда решил, что резиновый баллон своей пустой упругой сущностью скрашивает будни и дарит людям радость? Это и звучит-то нелепо, но спросите у фокус-группы, кто счастливее – человек с шариком или человек без шарика? Ответ очевиден. А уж если шарик наполнен чем-то легче воздуха и позитивно устремлён вверх (и ведь его никто не заставляет!), то его хозяин может повести за собой хоть в огонь, хоть в воду, хоть в бизнес-инкубатор.

Лёша снова отпросился с работы пораньше и, наполненный кипучей энергией, помчался развивать свой перспективный стартап. Он украсил шариками дверь в свой компьютерный класс и залюбовался. Немного отойдя, Лёша закрывал то правый, то левый глаз, удостовераясь, что ножки буквы «П», образованной гирляндой, абсолютно равны и ровны. В руках он держал последний, «регулируемый» шар, которому предстояло в случае необходимости примкнуть к одной из ног.

Сосредоточению помешал мерный стук каблуков «цок-цок-цок-цок». Гулко отдаваясь в пустых стенах бизнес-инкубатора, эти удары словно выколачивали все мысли из головы. Лёша никуда не спешил и решил переждать, пока эти ноги уйдут восвояси, но, как назло, назойливое цоканье не удалялось, а приближалось, пока вдруг не прекратилось прямо у

него за спиной. Лёша обернулся и увидел хозяйку каблуков, что пришла по его душу.

– Алексей, да? Зайдите, пожалуйста, в бухгалтерию. Возможно, зря вы тут всё это... – и она критически оглядела украшенную дверь. Лёшу посетило нехорошее предчувствие.

– Как это – съехать? У нас же договор! – С праздничным шариком в руках Лёша выглядел особенно незащищённым посреди кабинета, в котором чаёвничали три зрелые женщины.

– Всё правильно, – ответила бухгалтерша, что привела его сюда. – И по договору арендодатель имеет право его расторгнуть в любое время.

Она показала ладонью раскрывающийся жест, будто выпустила невидимого голубя. Лёша, хоть и не первый день в бизнесе, на минутку остолбенел от таких вестей.

– Да вы не волнуйтесь! – ободряюще вставила вторая бухгалтерша, словно речь шла о сущем пустяке. – Уплаченную аренду вам пересчитают и вернут. А компьютеры всё равно наши, инкубаторские, так что вы вообще ничего не теряете!

Лёша, терявший чуть больше, чем всё, не мог разделить её энтузиазма.

– Но у меня же социальный проект, это ведь живые дети! Взывать к высоким мотивам – совет из умной книжки для успешных переговоров. Однако её автор не предупреждал, что этот приём не работает против женщин из бизнес-инку-

батора. Они вдруг вспыхнули и задрожали, как газовые конфорки, а одна из них выразила общее мнение:

– Как это не по-мужски: чуть что – прятаться за детей!

Лёша не нашёлся, что ответить. Тем временем первая бухгалтерша, хрустнув сушкой, позволила Ромашкину сохранить его престиж (кстати, трюк из той же самой книжки):

– А класс у вас был замечательный! Прекрасный! Вот и Ольга Васильевна не даст соврать: нас очень хвалили за ваш проект, когда мы о нём отчитались. А по итогам квартала может ещё и грамоту дадут...

Ольгу Васильевну Лёша доселе не видал, но понял, что это директор инкубатора, потому что она была одета дороже бухгалтерш и не так истово хлюпала чаем.

– Алексей, наш центр не может стоять на месте, в этом его миссия, – подключилась к беседе директриса. – Ваш проект уже показал свою успешность, теперь надо дать дорогу молодым.

– Кому вы сдали мой класс? – спросил Лёша голосом приговорённого.

Вторая бухгалтерша подняла над столом ладони и пошевелила пальцами, словно приманивая к себе искомый предмет. Наконец она нашла клочок бумажки с какой-то записью и протянула его Лёше.

– Я так понимаю, они просто больше платят? – спросил Лёша, не читая. – Так вот, передайте им, что я заплатил за полгода вперёд, и никуда съезжать не собираюсь!

И вновь он не угадал с переговорной тактикой.

– Алексей, вы, я вижу, хотите сесть нам на шею и прокатиться? – Голос директрисы звучал так, словно она поймала шулера. – Возьмите и сами договоритесь со своим соперником.

Лёша ещё немного помолчал, как советовал учебник, но эта пауза ничего не меняла.

– Что это? Это не телефон? – наконец спросил он, вчитавшись в бумажку.

– Это телеграм, – ответила первая бухгалтерша и добавила со значением: – У нас инновационный центр.

Отвратительно приятная погода встретила Лёшу за дверями бизнес-инкубатора. Она как бы подчёркивала: у всех всё хорошо, и только Ромашкин один такой ущербный лох в целом свете. Уж лучше бы дождь хлестал.

Лёша вбил в телефон контакт, который ему дали, и расхотелся, увидев, что был за аккаунт.

– Вы сдали класс какому-то тренингу успеха?! – крикнул он молчаливым окнам. – Серьёзно?!

Уж всяких инфоцыган Ромашкин не считал за достойных соперников. В трубке раздалось сухое «алло», и Лёша включил напор:

– Здравствуйте! Меня зовут Алексей, и я хочу поговорить с вами...

– Спасибо, нам не надо, – ответили на том конце и отклю-

чилились.

– Да чтоб тебя!!! – воскликнул Лёша в сердцах и снова нажал на вызов.

– Алло.

– Вы почему трубку бросаете? Вам человек звонит по делу!

Собеседник ответил спокойно, будто никто на него только что не орал:

– Вы по какому вопросу?

И тут Лёша сбился. Что он там планировал донести?

– Мой класс в бизнес-инкубаторе, – принялся он собирать разлетевшиеся мысли, – сегодня сдали вам. Я хочу договориться... обратно чтобы там был мой класс...

Поняв, что Лёше больше нечего сказать, голос из трубки ответил наконец с ленцой, присущей человеку, у которого на руках флеш-рояль:

– А вы кто?

– Я... открываю компьютерную школу для детей... – ответил Лёша. – Это мой бизнес.

Даже в паузе собеседника почувствовалась искорка иронии. Наконец он всё так же неспешно заговорил снова:

– Ага... А это разве бизнес? Это, наверное, микробизнес? – В голосе звучала уже откровенная издёвка. – Или даже нанобизнес. Вы нанобарон?

– Ваше какое дело?! – закипел Лёша. – У меня завтра дети приходят! Мне кто убытки будет компенсировать?

– О-о-о! – протянул голос, – Что ж, в качестве компенсации... Но это лишь из любви ко всему маленькому и забавному... я могу вам предложить бесплатное вводное занятие на моём курсе.

– Да ты охренел, что ли, скотина? – взревел Лёша, на что его едкий собеседник промурлыкал приветливое: «Буду ждать!» и отключился.

Ромашкин в бешенстве замахнулся телефоном, но никуда его не зашвырнул, а только бессильно опустил на бордюр. Минуту спустя пришло сообщение: «Сегодня в 18:00. Место встречи вы знаете». И подпись: «ЖИВИ ЗА СЧЁТ ЖЕНЩИН».

Лёша посмотрел на время. До момента, как он задушит этого тренера успеха, оставалось чуть больше двух часов. А до того, как в Лёшин класс придут тянущиеся к знаниям детишки и поймут, что кина не будет, оставалось чуть больше суток. Решить, как в итоге поступить – убивать конкурента или искать новое помещение – Ромашкину помешал телефонный звонок.

Звонила Катя.

– Лёша, приезжай скорее! У нас дома полиция!

Бабка-террористка

Въезд во двор пратёщи был перегорожен полицейской машиной. Внутри стояло ещё несколько, и все со включёнными мигалками. Курили взрывотехники. Из подъезда вышел кинолог с собакой, а дома Лёшу встретила взволнованная Катя:

– Там бабушка скандалит. «Мурку» поёт.

Дверь комнаты, в которую пратёща никого не пускала, была вскрыта. Внутри по-прежнему виднелись тугие мешки. Лёша проследовал в комнату Евдоксии Ардалионовны.

– А это Алёша! – вскричала хозяйка, увидев праятя. – Можете и его арестовать, он тоже террорист!

За столом сидел, склонившись над документами, лейтенант полиции. Он вежливо улыбнулся Ромашкину, мол, не волнуйтесь, бабушка шутит.

– Что случилось? – спросил Лёша.

– Мы стали жертвой доноса! – сообщила Евдоксия Ардалионовна.

Полицейский, оторвавшись от написания протокола, пояснил успокаивающим тоном:

– Медсестру из педиатрии, которая приходила к вашим девочкам, напугал склад сахара вашей бабушки. Перебдела.

– Змея! – отреагировала пратёща.

– Но мы всё уже проверили – никакого криминала.

– Потому что мешок с кокаином я успела перепрятать!

Полицейский устало посмотрел на хозяйку:

– Евдоксия Ардалионовна, зачем вы это сейчас сказали?

Мы ведь вынуждены будем проверить – задержать всех присутствующих, опечатать помещение...

– Давай-давай! Взрывчатки не нашёл, может хоть наркопритон накроешь!

Лейтенант, качая головой, потянутся за новым бланком для протокола.

– Извините! – сориентировался Лёша. – Можно вас попросить? Дайте нам минутку! Одну минуточку!

С этими словами Лёша подхватил изумлённого полицейского и вытолкал его за дверь. Лейтенант, против воли оказавшись в коридоре, вознамерился тут же вернуться обратно в комнату, но его отвлекла Лёшина мама, обладающая талантом быть, когда не надо там, где не надо:

– Может, чаю?

– Какого чаю?!

– С сахаром или без сахара...

Тем временем Лёша остался один на один со своей пратёщей и не собирался терять времени попусту.

– Если вы сейчас же не прекратите ёрничать, я сделаю всё возможное, чтоб никогда отсюда не съехать!

Евдоксия Ардалионовна, недолго поразмыслив, ответила:

– Ладно. Я ему и так уже нормально всыпала.

Лёша впустил лейтенанта и пообещал ему, что бабушка будет вести себя хорошо. Сам он остался проследить, чтоб

насупившаяся пратёща не вздумала открыть рот, пока её не попросят.

– Распишитесь, пожалуйста, там, где галочки, – наконец сказал полицейский.

– Оригинальный способ попросить у меня автограф, – заметила Евдоксия Ардалионовна и принялась выводить свою подпись.

– Станиславский? – спросил лейтенант, указав портрет на стене.

– Он самый, – отозвалась пратёща, – когда-то нянчил меня на своих коленях.

Полицейский проникся уважением к хозяйке и внимательнее пригляделся к стенам.

– Так вы актриса? А почему я вас в кино не видел?

– А я не снималась в ментовских сериалах! – ответила Евдоксия Ардалионовна с вызовом.

– А разве в ментовских сериалах есть актёры? – улыбнувшись, спросил лейтенант.

Пратёще это замечание пришлось чрезвычайно по нраву, и она даже стала смотреть на молодого человека как на поклонника.

– Спасибо. – Полицейский забрал бумаги.

– И вам спасибо! – пропела Евдоксия Ардалионовна.

– А мне за что?

– За то, что разрешили мне сладкое! – И она проводила лейтенанта, с которым скандалила битый час, кокетливой

улыбкой.

За дверью Лёша на правах человека, который спас полицейского от разъярённой тигрицы, доверительно обратился к нему:

– Извините... Скажите, а если, например, есть аккаунт пользователя в Телеграм, то можно через вас узнать, что это за человек, где он живёт?

– Будем вместе нарушать закон о персональных данных? – осведомился лейтенант.

– Нет, – ответил Лёша решительно.

– Тогда всего хорошего! – И служитель закона ушёл, отдав честь.

К Лёше вышла Катя.

– Всё хорошо?

– Всё хорошо, – ответил Лёша, поцеловав её в лоб.

– А как бизнес?

Лёша посмотрел на часы и, пытаясь не передать Кате своего волнения, повторил:

– Всё хорошо.

Тренинг

Когда Лёша вернулся в свой класс, там уже собралось шесть человек. Парты, что он заботливо расставлял для детишек, были бесцеремонно сдвинуты к стене. Все с независимым видом расселись на стульях и уставились в телефоны. Ромашкин всмотрелся в лицо каждого, надеясь вычислить наглеца-тренера.

– Извините! – Лёша решил обратиться ко всем сразу. – А где тут главный?

Присутствующие сначала переглянулись, затем по ним прокатилась волна пожимания плечами, и потом один из них добродушно ответил:

– Да мы тут сами в первый раз. Наверное, придёт.

Лёша кивнул и взял под наблюдение вход, тщательно сканируя каждого входящего. При любом проявлении нахальства он был готов взять обидчика за грудки и отбить свой кабинет. Как назло, все желающие жить за счёт женщин являлись в класс с широко раскрытыми, полными растерянности глазами.

Но вот Лёша приготовился к прыжку, завидя гуся с красной физиономией, переходящей кверху в плешь, хитрым прищуром, седой бородой, да ещё и с франтовской бабочкой. Секунда – и негодяю конец... но в этот момент плешистый раскрыл рот:

– Здравствуйте! Скажите, на тренинг я правильно пришёл?

Лёша тут же потерял к нему интерес и посмотрел на часы. Было ровно шесть вечера. Вдруг в классе погас свет, и, не успели студенты понять, что стряслось, зазвучала музыка, а на экране запустилась презентация. Народ вперился в полотно, а Лёша старался удержать в поле зрения и экран, и студентов, и дверь.

Замелькали изображения привлекательных женщин. Женщины в соблазнительном и дорогом, женщины в украшениях, женщины под пальмами, в шикарных автомобилях и с прочими предметами роскоши. Лёша отметил, что на студентов эти весёлые картинки производят более чем приятное впечатление.

– Женщины, по сути, обнаглевшие существа, – раздался вдруг голос, который Лёша мгновенно узнал. – Заметили ли вы, как «Не обижай девочек» и «Уступи даме» превратились в ...

Ромашкин слышал голос, но не слушал слов. Он пытался понять, где находится тренер. Настройкой техники в кабинете Лёша занимался весь последний месяц, и по его расчётам наглец с микрофоном должен был прятаться где-то здесь.

Экран демонстрировал доминирующих женщин и униженных мужчин. Студенты старательно внимали, а один даже конспектировал в блокнот. Лёша, крадясь по стенке к ряду парт, не удержался от саркастической ухмылки.

– Что же остаётся мужчине? Роль безмолвного кошелька? – Пассажи незримого лектора вызывали одобрительную реакцию собравшихся. – Мужчина не должен содержать женщину! Мужчина сам имеет право жить за счёт женщин! Это и есть эмансипация. Вы сами это знаете, раз вы здесь!

Тем временем Ромашкин обследовал пространство под партами и никого не обнаружил. Зрители всё больше воодушевлялись, а голос сулил им успешный успех. «Жалкое стадо», – с отвращением подумал Лёша.

– Поздравьте себя, вы уже на правильном пути!

Замелькали картинки счастливых улыбчивых мужчин, музыка стала затихать и остановилась. На экране появилась маска Казановы, а Лёша тем временем задумал поискать тренера, заглянув за жалюзи окон.

– Добрый вечер! – заговорила маска всё тем же голосом. – Я создатель и тренер этого курса. Я вас вижу. Я вас слышу. Алексей, сядьте!

Лёша замер, словно пригвождённый. Он почти не растерялся и даже приготовился сказать маске пару ласковых, как вдруг поймал на себе осуждающие взгляды сокурсников и решил временно подчиниться порядку.

– Каждый из вас выйдет отсюда другим человеком, – продолжала маска, – если будет в точности выполнять то, что я скажу. Это ясно?

Ответа не последовало.

– Вы слышите меня? – спросила маска требовательно.

– Да, – неуверенно загудели студенты.

– Вам всё ясно?!

– Да!!! – поднялся дружный ор.

– Тогда всё внимание на экран! Познакомьтесь с «мамочкой».

Мамочка

На экране появилась рисованная мамаша канонического образца в халате и бигудях.

– Давай, ещё мультики им покажи, – фыркнул Лёша, а маска продолжала соблазнительные речи.

– В каждой женщине наряду с инстинктами собственничества, шмоточничества и суки живёт инстинкт материнский. – И рядом с мамашей на экране возник пацан в кепке. – В каждом мужчине моложе себя хотя бы на двадцать лет женщина подсознательно видит ребёночка.

«Голосу басов добавлено для солидности», – заметил Лёша со злорадством. Студенты вдохновлённо внимали, а Ромашкин и не думал слушать лекцию. Он искал зацепки и ждал момента, чтоб добраться до тренера, и именно от этого был внимательней, чем все его сокурсники вместе взятые.

– Обязательно нужно, чтоб дитя было одето, – у пацана появились новые шмотки, – накормлено... – и в руках его возник нехилый гамбургер, – и чтоб не плакало!

Сытый и одетый пацан вдруг отчего-то скуксился, но в тот же миг перед ним материализовалась огромная игрушка, и он сразу повеселел весьма артистично для мультяшки.

– Ради этого мамочки готовы на всё, и умный ребёночек быстро понимает, как плакать на результат.

Лицо пацана обрело хитрющее выражение, а над его го-

ловой засветилась лампочка. «Какой штамп», – подумалось Лёше почему-то голосом Евдоксии Ардалионовны. Пацан вдруг заревел на усиление, и к его игрушке тут же добавились ещё несколько, а потом и деньги. Один из студентов не удержал в себе восторга и громко всохотнул, отчего Лёша испытал стыд за человеческую расу.

– Пора и вам становиться умными мальчиками, – наставлял голос. – Всё, что для этого понадобится – это Мамочка, и самая чистая, самая искренняя эмоция, на которую вы способны, а для этого все средства хороши: или коленку себе расшибить, или врать. Врать, как последний раз в жизни, и вот тогда...

Лёше стоило невероятных усилий не уткнуться в телефон. Экранный пацан сделал жалостные, как у котёночка, глаза и что-то залепетал, а по щекам его покатались крупные слёзы. Это подействовало. Лицо мамыши приобрело доверчивое выражение, губы округлились, руки поднялись, словно она потеряла равновесие. «Поплыла», – констатировал Лёша скептически.

– Ещё Чарльз Дарвин заметил единый для всех млекопитающих жест заинтересованности, сочувствия и доверия. – На экране, перемежаемые гипнотизирующим звуком «дзынь», замелькали наклоняющие набок голову собаки, кошки, крысы, люди, корова с печальными глазами и мамочка. – Наклонённая набок голова. Для вас это жест означает только одно: мамочка готова. Можно просить всё, что

удогно, остаётся только протянуть руку.

Под кривую Лёшину усмешку глазастый пацан подставил ладошку, и со звуком работающего банкомата на ней сами собой появились деньги.

– И если по какой-то причине вы не услышали... – голос прервался звуком «дзынь», – просто вернитесь к первому пункту и уж постарайтесь, чтобы мамочка вам поверила!

Лёша, больше не в силах выносить эту бредятину, всё-таки вытащил телефон.

– Это ваш первый приём, – вещала тем временем маска. – Идите в поле и отработывайте! К завтрашней лекции принесите деньги, которые дадут вам ваши «мамочки»!

На этом голос тренера неожиданно смолк, и Лёша на мгновение испугался – не упустить бы, за чем пришёл. Народ сидел в нерешительности.

– Бегом отсюда – здесь женщин нет! – крикнула маска, и в кабинете зажёгся свет. Студенты начали подниматься, поглядывая друг на друга. Редкая смесь робости и азарта светилась в их глазах. Никто не решался пойти первым. Лёшин вопрос «Братцы, а где же всё-таки тренер?» остался без ответа.

В этот момент дверь в кабинет приоткрылась, и в щель просунулась коротко стриженная голова. Затем в класс нерешительно шагнул маленький человечек. Типчик из тех, кого не принимают всерьёз. Такого обхаживают в трамвае, и никто не вступится.

– Это же здесь тренинг проходит? – спросил он под недоумёнными взорами, – Я опоздал...

Новичок так и стоял в дверях, загораживая проход, а девять студентов молча глядели на него. Очевидно, каждый в классе решил, что чудаку ответит кто-то другой. Вдруг снова ожил экран, и маска Казановы произнесла безжалостным тоном:

– Повторов для опоздавших у нас нет, а задание такое же, как для всех. К мамочке!

После этих слов экран погас окончательно. Студенты разбежались.

– А чего делать-то надо? – жалобно спросил опоздавший у Лёши, который всё ещё что-то высматривал под партами.

– Делай, что хочешь. – И раздосадованный Лёша вышел из кабинета.

Ромашкин никогда не стал бы тем, кем был, если бы не умел прорабатывать запасные ходы. Это тактика. Не вышло взять мерзавца за горло сразу, и не беда. Мы к нему подберёмся другим путём и схватим за ещё более чувствительное место. С этими мыслями Лёша явился на вахту бизнес-инкубатора.

– Кто брал ключ от тринадцатого кабинета?

Вахтёрша не спеша осмотрела лихого посетителя не очень довольным взглядом – это она вспоминала, здоровался он с ней сегодня или нет, – а затем отыскиала запись в журнале:

– Ромашкин брал.

– Чёрт! А потом кто брал?

– А потом никто не брал.

– Но туда ведь кто-то заходил, аппаратуру подключал? Тренер был тут? – напирал Лёша, уже понимая, что ставит непосильные задачи. Вахтёрша снова принялась водить пальцем по журналу, а Лёша вспомнил, что с беготнёй по бухгалтериям и разборками с милицией не запирает дверей класса и не сдавал ключ – тот всё это время лежал в его кармане. Мимо прошёл к выходу опоздавший чужак с растерянным лицом, и Лёша невольно ощутил зависть к этому балбесу. Всего-то бед у человека – опоздать на идиотский тренинг.

– По журналу никто не заходил, – установила вахтёрша. Впрочем, это и так уже было понятно. План «Б» провалился вслед за планом «А».

– Чёрт, чёрт, чёрт!!! – В отчаянии Лёша схватился за волосы, забыв, что успешному бизнесмену так себя вести не полагается.

Уж насколько равнодушная, безучастная и даже вялая женщина была вахтёрша, но даже её сердце ёкнуло от Лёшиных страданий.

– Случилось, что ли, чего? – спросила она по-крестьянски грубовато, но искренне.

– Как его найти? – простонал Лёша скорее в окружающий эфир, чем кому-то конкретно.

– Да кого?

– Тренера.

– Тренера?

Лёша отвернулся, чтобы посторонняя женщина не видела его отчаяния, и сполз на пол по стенке вахтёрской будки. Разумеется, вахтёрша тут же выбежала из своей стеклянной клетки и озабоченно, как над маленьким, склонилась над Лёшей.

– А чего случилось-то?

– Ничего, – буркнул Ромашкин из-под сомкнутых ладоней.

Из-за своей доброты женщина попала в глупую ситуацию. Как в автобусе, когда вы уступаете старушке место, а та отказывается, и вам уже неловко садиться обратно. Приходится сделать вид, что вам скоро выходить, и вы нелепо стоите, как сейчас эта вахтёрша над Лёшей. Сам Ромашкин сочувствия к себе не искал, и потому непрощеная мадам вызывала в нём одно лишь раздражение.

Тут в Лёшином кармане что-то пикинуло. Очень кстати: ведь телефон спасает от назойливых людей не хуже, чем чеснок от вампиров. Даже промоутеры на улице отвязываются, если приложить к уху мобильник.

«Попроси у неё денег, балда!» – прочёл Лёша на экране.

Сообщение взбудрило, как глоток нашатыря. Лёша вскочил, озираясь, и заметался, словно кот у ветеринара. Вахтёрша же, глядя на его скачки, прониклась к нему ещё большей заботой.

– Парень, может, тебе помочь чего? – И она почти нежно коснулась его локтя.

«Экая настырная баба», – разозлился Лёша и уже готов был рявкнуть что-нибудь грубое в её деревенскую рожу, как вдруг испытал дежавю. В бесхитростном лице вахтёрши Лёша узнал... коровьи глаза. Вот она наклонила голову набок, и, как это всегда бывает в дежавю, Лёша угадал, что будет дальше. Нет, он не услышал «дзынь» – он его почувствовал, а в ушах явственно и гулко отдалось голосом тренера: «Остаётся только протянуть руку».

Лёша разинул рот и завис, как луна над лесом. Словно дразня или подсказывая, что делать дальше, вахтёрша наклонила голову теперь уже на другую сторону. Ромашкин понял этот сигнал и смирился с судьбой. Он опустил глаза, перечитал сообщение, а дальше всё произошло как бы само собой.

– Вы можете дать мне тысячу рублей? – пролепетал отец троих детей и подставил ладошку.

Мамочки

Лёша вышел из бизнес-инкубатора, неся в вытянутой руке тысячерублёвку. Мозг отказывался осознавать случившееся. Ноги ещё немного поносили своего хозяина и опустили на бордюр перевести дух. Прошло какое-то время. В кармане пикинуло. Ромашкин наконец сумел согнуть руку, чтобы достать телефон.

«Получше твоего нано-бизнеса?» – высветилось на экране.

Лёша снова завертел головой, но в этот раз он искал не обидчика, а... кого же? Пожалуй, того, за кем Ромашкин готов был пойти по воде, и тысячу тому доказательств он всё ещё держал в руках. Лёша верил в свой нюх на успех и всяческие прибыльные темы, и только что он почуял золотую жилу, но жить за счёт женщин...

Новое сообщение:

«В следующий раз проси больше!»

Лёша рассмеялся. В следующий раз? И ведь правда. Успех требует повторения, иначе это не успех. Он окинул взглядом вечернюю людную улицу и прошептал сам себе:

– Мамочки...

Если бы случайный зритель сейчас следил за Лёшей, он увидел бы вот что.

Парень подошёл к женщине, они с минуту поговорили, и она дала ему что-то из своего кошелька. Зритель вряд ли уловил бы такие детали, как верный выбор целевой аудитории, качественную эмоцию и тот самый наклон головы, предшествующий выдаче наличности. Между тем Лёша всё сделал абсолютно правильно: не зря же он так внимательно слушал лекцию. А покуда зритель гадал бы, деньги вынимались из кошелька или что-то ещё, оборотистый Ромашкин уже направлялся к новой цели.

– У меня жена родила тройню девочек. В мэрии нам обещали выделить квартиру, но обманули. Сейчас мы ютимся у сумасшедшей родственницы в доме, которому больше ста лет. Вы не можете помочь немножечко деньгами?

Оказалось, схема работала не каждый раз. Очередная кандидатка в жертвы поспешила уйти от подозрительного типа. Лёша слегка озадачился, но не отчаялся. Подумал о том, что сила, скорее всего, не в правде, и направился к новой мамочке.

– Я стоял в очереди на новый протез. Время подошло, и мне готовы помочь, но за импортные комплектующие нужно доплатить, а то очередь уйдёт...

Женщина опустила недоверчивый взгляд на Лёшины с виду нормальные ноги в штанах, но он был к этому готов. Готов жить за счёт женщин.

– Я мечтаю снова бегать и прыгать... – выпалил он на трагической гримасе, закрыл лицо и задрожал плечами.

Эта мамочка не только выдала Лёше денег, сколько он просил, но ещё и догнала его, и добавила сверху. «Хорошо удалась эмоция», – отметил Ромашкин и обещал попозже сам себя похвалить, а сейчас – к станку!

Через два часа добросовестной смены Лёша столкнулся с серьёзной проблемой. Наличность не уместилась в карманы летних штанов. Ромашкина распирало от куража, и танцевать хотелось больше, чем кушать. Навар позволял закругляться, да и поздно уже: прохожие мамочки закончились.

Вдруг Лёша заметил женщину, которая показалась ему знакомой. Ну конечно! Это ведь та самая жаба из мэрии, что говорила ему гадости из-за монитора. Ноги Ромашкина опередили его мысли. Не успел он подумать: «А чего я теряю?», как уже стоял перед жабой с новой легендой. Он наплёл ей, что ему очень неловко, но все его деньги уехали вместе с курткой и телефоном в Архангельск. Он всё посчитал, не хватает всего пяти тысяч рублей.

Женщина не узнала в незадачливом пассажире многодетного отца, но и озвученной проблемой не заинтересовалась. Она попыталась уйти от назойливого Лёши. Не тут-то было. Ромашкин с наслаждением «чувствовал» жертву. Он не стал падать ей в ноги – это пошло, лишь чуть спружинил в коленках ровно настолько, чтоб это не было перебором (переигрывать тоже плохо) и прибавил голосу капельку надрыва – подсмотрел когда-то в опере.

– Вы моя последняя надежда! Если я не успею на сего-

дняшний поезд, мне придётся ночевать на вокзале! – Тут случилось то, чего Лёша сам не ожидал: ему по-настоящему захотелось плакать. И он не стал себя останавливать. Через минуту он узнал, что за слёзы платят больше.

Ромашкин возвращался домой, думая о том, что же с ним сегодня произошло. Он с удовольствием подсчитывал в уме выручку и немного размышлял об этической стороне своего успешного начинания. Вспоминались цитаты женщин великих и не очень: «Никто не просил вас рожать», «Ещё заплачьте тут», «Хотите сесть нам на шею и прокатиться?» и, конечно, «Катерина, зачем ты полюбила идиота?»

Он вошёл в квартиру с пышным букетом в руках и с загадочной уверенностью в глазах. Всё ещё пританцовывая, закрыл дверь, включил свет и вздрогнул. В коридоре стояла Евдоксия Ардалионовна, мрачная, как Аид.

– Как поживает наш мамкин олигарх? – спросила она.

Даже такое откровенное хамство не могло испортить Лёшиного настроения.

– А как поживает наша комнатная прима? – И Ромашкин галантно протянул цветы.

– Оставьте, – ответила пратёща сурово. – Я знаю, этот букет не для меня. Да я и не приняла бы цветов от мужчины, который к годам Христа сумел лишь зачать тройню.

Пратёщины уколы порядком надоели Лёше, а кураж от успехов ещё не прошёл, так почему бы слегка любя не по-

действовать старушке на нервы?

— Однако от меня не укрылось, что вы покраснели! — объявил Лёша с гусарским задором. — У вас такой приятный румянец — как у гимназисточки!

Ярость Евдоксии Ардалионовны сдерживали только глубокая ночь и спящий дом.

— Когда ты от меня съедешь? — просипела она.

И вдруг Лёшин голос задрожал.

— Вам бы только за горло взять, бабушка. «Сумел лишь зачать», «Неудачник», «Вынь да положь». Я люблю свою семью, вы не знаете, на что я готов ради моих девочек! Я... Я только что убил человека, чтобы прокормить... — И тут его задушили рыдания. Он принялся вытаскивать из карманов комья денег и швырять ими в пратёщу.

— Несчастный, что ты натворил?! — в ужасе воскликнула хозяйка.

Лёша грохнулся на колени и сквозь слёзы и слюни заикал:

— Простите меня, бабушка Евдоксия Ардалионовна! Я хотел сделать вашу внучку счастливой, а сделал навеки несчастной!

Собранности пратёщи можно было позавидовать. Она живо принялась предлагать варианты:

— Тебе же надо бежать! Прячься! Можешь на меня положиться. Я десять лет скрывала роман с Брежневым, и тебя не выдам! — Казалось, она вот-вот покажет тайный подземный ход в Польшу, но этого не потребовалось. Лёша вдруг

поднялся, улыбнулся и спросил, как официант в ресторане:
– Вам понравилось?

Ужас пратёщи снова сменился яростью, но ненадолго. Из всей палитры чувств, что испытала сейчас престарелая актриса, на первый план выступило восхищение.

– Бог ты мой, Алёша! – И она сложила руки на груди. – Это была игра? Ну надо же! Bravo! И слёзы!

Розовый от гордости Ромашкин сделал первый в своей жизни реверанс.

– Какая муза тебя укусила? Ну-ка, покажи ещё раз!

Лёша тут же как подкошенный упал к её ногам и зарыдал:

– Жизнь моя не стоит больше ломаного гроша!

– Ай, молодец! – Евдоксия Ардалионовна не могла нарадоваться на новорожденный талант. – Про грош, конечно, штамп, но какая эмоция!

Она подняла празятя и обняла его так тепло, как Фидель Кастро – Брежнева.

– У тебя настоящий дар, Алёша, ты далеко пойдёшь, – и, не успев он её поблагодарить, спросила, – а когда ты выступишь в мэрии?

– Я работаю над этим вопросом, – ответил Лёша уклончиво, но на этот раз пратёща удовлетворилась. Она, держа кулачки, то и дело восхищённо оборачиваясь, удалилась к себе, а Лёша на цыпочках прокрался в комнату Ромашкиных.

– Ты пришёл? – прошептала спросонок пробудившаяся от

поцелуя Катя.

– Пришёл. – И Лёша ещё раз поцеловал жену.

– Мне снился сон... – Катя мурлыкала, будто бы и не проснулась. – Такой дурацкий... Там у тебя была другая женщина... Много женщин... И ты со всеми был очень мил, и они тебе за это платили.

Лёша замер со снятым носком в руке.

– Но я не расстроилась, потому что сразу поняла, что это сон, потому что ты у меня не такой, иначе бы я тебя не любила. Спокойной ночи.

От неожиданности Лёша забыл пожелать спокойной ночи в ответ и, озадаченный, тихонько лёг супруге под бочок.

Мисс Голливуд

– С фигурой у меня всегда всё было в порядке. Я до шестидесяти лет играла Джульетту. Но в советском кино советской актрисе не полагалось всяких там... нехороших излишеств. Поэтому меня снимали в монтаже. Совместная картина. Куба, солнце, море и песок. Моё лицо. Камера скользит ниже. Шея. Потом р-раз! Чайка в небе. И снова р-раз! Грудь, талия, и всё остальное, но уже не моё, а какой-то дублёрши из Голливуда.

– Из Голливуда?

– Ну да. Это ведь недалеко, поэтому массовку всегда там набирали. На Фабрике грёз. Потом, кстати, она (дублёрша, а не фабрика), тоже прославилась. Играла девушку этого агента, как бишь его?

– Джеймса Бонда? Но как её звали?

– Ах, Алёша, неужели ты думаешь, что я запоминала имена голливудских старлеток?

За окном брезжил рассвет. Прошло пять часов с тех пор, как Евдоксия Ардалионовна бесцеремонно вытащила Лёшу из постели и привела в свою комнату. Там она усадила любимого пражтя в глубокое кресло, придавила сверху для верности пятью старинными фотоальбомами и принялась рассказывать.

– За всеми нами следили тогда товарищи в штатском. А за мной, как за главной ролью, аж двое. И всё же чуть не потеряли.

– Вы хотели сбежать за границу?

– Я влюбилась, мой мальчик! Мне ведь тогда было чуть больше двадцати. Бедная еврейская девочка, мечтавшая о славе. Первая роль в кино – и сразу главная! Я даже стоя перед камерой не верила, что это со мной происходит. Меня можно было пальчиком поманить, я бы пошла за кем угодно. И тут – он. В Гаване тогда не очень было с гостиницами, поэтому самая лучшая досталась нашей группе да американцам. И вот одним утром на завтраке я просто-таки налетела на него. Он уже тогда был суперзвездой. Случайно заехал на Кубу порыбачить с аквалангом.

Я называла его Джимми, а он меня – Докси. Мы были счастливы семь дней, которые пролетели, как одно мгновение. Но какой он был бунтарь! И думать не желал, что нам не суждено быть вместе. И вот тридцатого сентября тысяча девятьсот пятьдесят пятого года... Проклятая дата. Вся наша группа уже сидела в автобусе до аэропорта. Ждали только меня, а я, прорыдавшая всю ночь, просто не могла стоять на ногах. Меня вели под руки двое сильных мужчин. И вдруг на площадку перед отелем влетел спортивный серебристый кабриолет. Конечно, это был он! Мой Джимми! Он крикнул мне: «Бросай всё, едем вместе со мной! Выходи за меня, ты

станешь гражданкой США, и я увезу тебя отсюда!»

Сию же секунду откуда ни возьмись выскочили наши бравые филёры. Меня, как тряпку, швырнули в автобус, но Джимми и не думал сдаваться. Он выскочил из машины, ударил одного, другого... Но силы были неравны. Я кричала, чтоб они не били его по лицу, ведь это рабочий инструмент актёра... Потом я лишилась чувств.

Пожилая актриса смолкла и уставилась в окно, будто горюя о несбывшейся судьбе. Глаза её были полны слёз.

– Что же это был за фильм? – наконец решился спросить Лёша, и она вздрогнула от его голоса.

– Не было никакого фильма. Пока эти олухи крутили меня и колотили Джимми, наш режиссёр (кто бы мог подумать, лауреат двух сталинских премий!) улизнул через форточку автобуса. Уже через четверть часа он был в посольстве одной европейской страны, а уже через неделю все его картины в СССР были запрещены. Отснятый нами на Кубе материал уничтожили. Плёнки смыли, а от фильма не осталось даже названия. КГБшники постарались в своих отчётах. Я тоже попала под эту гребёнку и на долгие годы – лучшие свои годы! – сделалась «неблагонадёжной».

– А что же Джимми?

– О! Джимми! – Пратёща всхлипнула. – В тот же самый день он вдребезги разбился на своём серебристом кабриолете. Мой бедный мальчик... Влетел под грузовик. Никогда себе этого не прощу! Такой талантливый и такой молодой!

Два «Оскара»! Посмертно...

Евдоксия Ардалионовна протяжно высморкалась.

– Но кто же он, этот Джимми? – не унимался Лёша.

– Молодой человек, – ответила пратёща тоном недовольной учительницы, – я думала, вы сами назовёте мне его имя. Стыдно. Для кого тут у меня? – И она указала на стены, где с утренними лучами просыпались её старинные поклонники.

Распираемый любопытством Лёша собирался-таки добиться фамилии этого бунтаря, но не вышло. Открылась дверь, и на пороге возникла удивлённая Катя с немым вопросом «Вы почему не спите?» в глазах.

За хорошее надо платить

Ромашкин спал глубоко и спокойно, ничуть не заботясь о том, когда ему вставать. Женщины, в чьей природе заложено следить, не залежался ли мужик на печи, оберегали его сон. Куча денег мятыми купюрами, что он вчера невесть откуда принёс, делала Лёшу в глазах домочадцев добытчиком и испугала весь прежний неуспех.

Он проснулся в третьем часу пополудни от смс-сообщения. Инкубатор вернул деньги за аренду класса. Это означало окончательный разрыв с прошлым и полную свободу для нового развития. Лёша сладко потянулся и немного огорчился из-за того, что до вечера ещё так далеко. Не терпелось поскорей снова попасть на тренинг.

Поднявшись, Ромашкин принялся активно мешаться по дому и порядком всех утомил. К тому же он отказался поведать секрет происхождения денежной кучи, лишь загадочно намекнув, что всему своё время. Тут Лёше, кстати, снова подумалось об этической стороне, но он прогнал от себя ненужные мысли. Всему своё время.

Мама и вторая мама выставили Лёшу из кухни, потому что не знали, когда он проснётся, и на завтрак ничего не приготовили, а обед будет на ужин. Жена прогнала его от малышей ввиду того, что сисек у него всё равно нет, а менять подгузники он не умеет и не учится. Лишь пратёща не прогоня-

ла Лёшу, потому что сама спала, как старая черепаха, распу- гивая громовым храпом мух с люстры и голубей с карниза.

Ромашкин добросовестно и ни о чём не жалея разослал мамашам своих несостоявшихся учеников сообщения о том, что компьютерного класса не будет, и вернул уплаченные за обучение деньги. Затем, не в силах больше дожидаться уроч- ного часа, он двинулся в бизнес-инкубатор очень заранее.

– Привет! – Возле закрытой двери класса торчал тот стри- жёный студент, которого вчера выгнал тренер.

– Ты тут с ночи, что ли, сидел? – пошутил Лёша, а сам обрадовался: хоть будет с кем поговорить, раз уж припёрся на час раньше.

– Я просто вчера опоздал, – наивно улыбнулся парень, – сегодня решил подстраховаться. Там чего хоть было-то?

То, что вчера было, Ромашкину и самому хотелось бы уло- жить в голову. Наскоро по-мужски познакомившись («Я Лё- ша» – «Я Паша»), опытный товарищ принялся наставлять новичка:

– Тут в двух-то словах не объяснить... Там как бы... Жен- щины, они вовсе не слабый пол... Они, по сути, обнаглевшие существа. И мужчина может тоже жить за их счёт... Пони- маешь?

Паша кивал – явно больше из вежливости.

– И если ты знаешь приёмы... то можешь прямо на жен- щинах зарабатывать деньги.

– Как это зарабатывать?

Тогда Ромашкин с удовольствием описал свой вчерашний вечер, пожалуй, по-рыбацки чуть преувеличив размер успеха. Паша внимал, заражаясь Лёшиным азартом, задавал вопросы, уточнял моменты и наконец подытожил:

– То есть, оно стоит своих денег?

– Каких денег? – переспросил огорошенный Лёша и мгновенно всё понял. Как это он раньше не догадался? Ведь вчера его пригласили на пробную лекцию. В качестве компенсации. Стало быть, если он желает продолжить обучение, следует уплатить за удовольствие.

Сумма повергла Лёшу в уныние. Конечно, она у него имела. Инкубатор же вернул аренду за полгода. Но это были последние деньги. Кроме тех, разумеется, которые он вчера заработал. Нужно всё тщательно взвесить.

«Если улов будет хотя бы в полтора раза больше, чем вчера... а завтра ещё в полтора раза (Лёша рассматривал пессимистический вариант)... тогда затраты начнут окупаться... Чёрт побери, да так ли это важно, когда они начнут окупаться?! Видно же, что тема рабочая!» – Ромашкин живо себя убедил (как поступал уже не раз и считал это своей сильной стороной), что излишние сомнения заставят его отступить, только и всего. А многие начинания лишь потому и стали успешными, что их не бросили с первыми же трудностями.

В считанные минуты деньги преобразовались в криптовалюту и ушли куда-то на электронный кошелёк, а Лёша Ро-

машкин официально сделался студентом тренинга успешных мужчин «Живи за счёт женщин». Неприятный осадок от расставания с деньгами он решил компенсировать, самоутвердившись за счёт отстающего сокурсника.

– А ты-то собираешься вчерашнюю практику отрабатывать? «Мамочку»? А то как бы тебя тренер снова не выгнал. – И, с удовольствием наблюдая, как чужаке замечался за двадцать минут до начала лекции, Лёша потихоньку успокоился.

Паша не опоздал к началу, но только он занёс ноги, как в классе погас свет. Лёша даже не успел полюбопытствовать об успехах.

В этот раз всё оказалось быстрее. Без всякой прелюдии и даже без приветствия маска появилась на экране и заговорила сурово и гулко, как Зевс с горы:

– Заслушаем отчёт о вчерашней практике. И к доске у нас пойдёт (на этих словах Лёша рефлексивно опустил голову, и заметил, кстати, что не он один)... Пойдёт у нас к доске... Наш вчерашний опоздун. Поднимись!

Паша встал под задорными взглядами сокурсников и затоптался, не зная, куда девать руки.

– Сколько ты добыл?

– Тысячу. Рублей.

В зале кто-то хмыкнул.

– Маловато, конечно, но для первого раза сойдёт, – оце-

нила маска. – Что ж, Расскажи нам, как это было. У кого ты разжился такой большой денежкой?

– В смысле, у кого? – оторопел Паша. – У мамы.

В классе повисла недолгая пауза осознания, и через мгновение студенты разразились единым взрывом хохота. Лёша ржал за двоих: он же сам объяснял этому чудику принцип приёма, и про обирание родной мамы там уж точно ничего не было. Тренер дождался, пока стихнет самый последний смешок.

– За домашнее задание тебе двойка, а за находчивость – три с минусом. И если ровно через полчаса ты не принесёшь сюда ещё пять тысяч, я тебя отчислю. Марш!

Паша опрометью выскочил за дверь, и, честно говоря, Лёша даже немного пожалел несмышлёныша.

Интим приветствуется

– Теперь вы, смешливые мои! – Тренер опять заставил присутствующих замереть, как двоечников. Впрочем, напрасно они боялись. С заданием справились все, и потому каждый с радостью выложил свой улов и историю. Лекция превратилась в дискуссионный клуб мужчин апостольского возраста. Парни напропалую хвастались, восхищались находчивостью друг друга, досадовали, что сами не догадались до особо изящных ходов, и хохотали, как гусары.

– Господа, господа! А я...

– А вот я, господа...

Каждый новый рекорд встречался аплодисментами: одиннадцать тысяч рублей, семнадцать, двадцать пять. Последним дошёл черёд и до Ромашкина, который к тому моменту уже тайно чувствовал себя победителем.

– Сорок девять тысяч пятьсот рублей, – сказал он небрежно и попытался лениво зевнуть, но не смог: губы его расплылись в самодовольной улыбке. По классу прокатился завистливый вздох.

– В чём твоя суперсила, герой? – спросил тренер.

Кто не любит покрасоваться, особенно когда есть чем? Но и для этого тоже нужны опыт или талант, иначе будет смотреться коряво даже при бесспорных заслугах. Лёша сделал вихлявый жест пальцами и произнёс с пафосом учёного по-

пугая:

– Я... плакал, друзья мои!

При всей неуклюжести его ответ приняли с восторгом и тут же потребовали продемонстрировать искусство в действии. Даже поставили стул, чтоб Ромашкин забрался на него, как на утреннике. Лёша сосредоточился, нахмурился, суксился... и, взглянув на заинтригованные лица товарищей, бесславно рассмеялся.

– Нет, господа. Пусть это будет моим маленьким секретом.

Словом, его выступление можно было бы назвать провальным, если бы не рекордный куш. Под дружный хохот его стащили со стула и хорошенько потискали.

– Наметился лидер. Поздравления! Но если вам кажется, что это много денег, то можете не ходить на сегодняшнюю практику! – Тренер умел заинтересовать. Все притихли в ожидании новых откровений, и тут на самом интересном месте отворилась дверь. В класс вошёл изгой группы Паша. Он смотрелся гораздо уверенней, чем полчаса назад.

– Чем ты нас порадуешь, юноша? – прогремела маска.

– Вот! – Паша поднял над головой деньги. – пять тысяч.

Веер купюр разного номинала выглядел добытым тяжёлым трудом и вызывал уважение.

– Чем же ты покори́л свою мамочку? – поинтересовался тренер.

– Я её убил, а что? – ответил Паша дерзко. – А потом

съел! – Он явно решил поменять свою роль в стае, и стая затихла – что ему за такое будет?

– Главное, не попался, – ответил тренер. – Больше не убивай мамочек, ведь так ты не сможешь попросить у них ещё.

Атмосфера разрядилась, но, не успел народ посмеяться, как сразу, без перехода, мгновенно переключившись, тренер объявил:

– Внимание на экран! Приём номер два. «Вам геморрой от джентльмена за тем столиком».

На экране возник молодец в белом смокинге. Этакий агент ноль-ноль-семь.

– Мальчики клянчат мелочь у мамочки, – заявил тренер. – Настоящие мужчины ищут достойную добычу. И помоложе, и побогаче. Сегодня работаем по классической схеме. Барной. Дорогое место, дорогой билет, дорогие женщины.

Перед агентом в смокинге возникла барная стойка, а рядом с ней – три скучающие дамы.

– Пункт номер один: отсечь пустую породу.

Одна из экранных дам вдруг заинтересовалась новым соседом и, повернувшись к нему, собралась было что-то сказать, как вдруг с громким резким звуком её перечеркнуло красным крестом.

– Если женщина заинтересована вами больше, чем вы ей, не тратьте время. Это не те приключения, что принесут вам деньги, – пояснил тренер.

– Обращайте внимание на упаковку. – Настал черёд второй дамы. – Волосы, ногти, кожа...

Вблизи камера подробно выявила всяческие дефекты причёски и маникюра, а на носу обнаружила хороший прыщ.

– Красота требует дорогого ухода. Если его нет, значит и денег нет. – И несчастную даму с прыщом, как и первую, припечатало красным крестом.

– Калибруйте свою добычу. Ищите ухоженную женщину с самым неприступным выражением лица. Это означает, что она самодостаточна, не ловит женихов и, вероятнее всего, обеспечена.

Третья дама прекрасно подошла к указанным критериям, за что была помечена зелёной галочкой под звук «дзинь», знакомый студентам со вчерашней лекции.

– Теперь – вперёд! Ваша задача – подкинуть ей проблему, решая которую совместно, вы неминуемо сблизитесь.

Агент подсел к надменной даме (она и не взглянула на него) и «совершенно случайно» опрокинул её коктейль на свой безупречный костюм. Она вскочила и замахала руками. Агент изобразил на лице смесь досады со страданием, и всё внимание дамы теперь без остатка было приковано к нему.

– Помните, что мы с вами уже проходили, мальчики мои! Врите! Врите, как в последний раз! Скажите, что это ваша последняя одежда, что у вас день рождения и больная бабушка, которой нужна срочная операция. Допускается возместить утраченный напиток, но не больше, ведь ваша зада-

ча – увеличить улов с одной женщины. И если ваша дама не собирается раскошеливаться, просто найдите себе другую!

На этом экран погас и студенты, горячие, как бегуны на старте, повскакивали с мест.

– Я разве сказал расходиться? – охолодил их тренер. – Есть ещё кое-что, и вам это понравится.

Все послушно плюхнулись на стулья и приготовились слушать, но тренер не спешил. Пауза затянулась. Наконец его голос загудел медленно, как у боксёрского конференсье:

– Интим приветствуется!

Возбуждённые студенты подняли восторженный гам, а Лёша не поверил ушам.

– Валите отсюда, здесь женщин нет! – прокричал тренер, но Ромашкин этого уже не слышал.

Во что он ввязался... Он ведь всегда думал на шаг вперёд. Думал, что думал. В смысле, думал, что думает на шаг вперёд, а на самом деле непонятно, о чём думал! Дум-дум-дум – отдавалось в голове. Потерял бизнес, деньги, остался один интим. Приехали... Вот бы откатиться на уровень назад, как в компьютерной игре. Хотя бы на утро.

Какая странная закономерность: третий раз подряд Ромашкин покидает инкубатор в таком пережёванном состоянии, что вынужден подолгу отсиживаться на бордюре прежде чем прийти в себя.

Мысль насчёт откатиться назад напомнила о Крылове. «Я

ведь ничего не потеряю», – сказал себе Лёша, стараясь не вспоминать о том, как сжёг мосты, и набрал номер.

– Ну, брат... – озадачился Крылов. – Я ведь как бы другого человека уже взял. – И он добавил ещё несколько сочувственных слов ободряющим тоном, но Лёше не полегчало. Тёплое стабильное место ушло. «А вот теперь точно конец», – сказал внутренний голос.

Тупое листание телефона – всё, на что сейчас хватало Ромашкина. На экране мелькала бесполезная развлекательная жвачка, а в голове вертелись варианты новой карьеры один другого привлекательней: курьером, дворником, официантом... Был, конечно, ещё один: щипать «мамочек» в подворотне, но человек, привыкший к ежедневному кратному прогрессу, закономерно противится возвращению на старт. Это всё равно что блистательного офицера вдруг разжаловать в рядовые. Самое жестокое наказание для тщеславной натуры.

Дзынь!

«Купи...» – так начиналось сообщение от Кати, а далее следовал бесконечный список покупок, из которых одни памперсы стоили целое состояние. Нежное «целую» в конце не поднимало настроения, а лишь сильнее ввергало в состояние вины. Лёша был многодетным отцом уже неделю и знал цену подгузникам. В текущих обстоятельствах тройное их потребление сулило ему гарантированное банкротство в течение нескольких дней.

Телефон продолжал добросовестно доставлять известия. Очередной непрошенный «дзынь», и Лёша обнаружил себя включённым в чат «Женщины платят за всё». Не успел он в меланхоличной обречённости подумать о неизбежности судьбы, как вдруг ощутил дружеский хлопок по спине.

– А ты, чемпион, собираешься на охоту? – Новые друзья верили в успех Ромашкина больше, чем он сам.

Лидер Лёша поднялся с вымученной улыбкой, которую коллеги расценили как загадочную усмешку, и покорился коллективу. «Разве только посмотреть... авось обойдётся без интима», – проямлил его внутренний голос.

Катя

Народная мудрость гласит: двух хозяек на одной кухне не бывает. И поскольку эта фраза в том или ином виде присутствует во множестве языков мира, мы можем считать эту мудрость не народной, а международной.

Может быть, не так уж и плохо, что игрушечные размеры хрущёвских кухонь не позволяли вместить больше одной женщины? Что, если это была не просто борьба с излишествами, а целенаправленное распределение женщин по разным помещениям для их полноценного отдыха и восстановления после тяжёлого трудового дня? Преимущество ли это – огромные площади, на которых встречаются и вынужденно взаимодействуют люди, которые, возможно, предпочли бы одиночную камеру соседству с некоторыми ближними своими?

Колоссальных размеров кухня Евдоксии Ардалионовны вмещала до семидесяти человек, а сегодня на ней чаёвничали втроём: сама хозяйка, её дочь Александра Александровна – мама Кати, и их новая родственница Нина Ивановна – мама Лёши Ромашкина.

Чем тешиться на одной кухне трём женщинам, самой молодой из которых давно перевалило за пятьдесят? Наиболее важный вопрос последних трёх дней по мнению Нины Ивановны – кем же они теперь приходятся друг другу с Евдок-

сией Ардалионовной – был решён хозяйкой ещё накануне: «Ты моя прасватья, а я тебе сводная двоюродная мать, и покончим с этим». Сегодня деятельная Лёшина мама переключилась на вопрос ухода за младенцами и их воспитания:

– Нет-нет-нет, памперсы – это зло! Вы знаете, как они вредят яичкам?

– Какие яички, Нина Ивановна? – опешила Александра Александровна, с непривычки воспринимая новую родственницу всерьёз.

– Ну, или там свои женские органы есть, – беспечно поправила Лёшина мама с такой уверенностью, что Катина мама забыла о том, что собиралась оспорить. Тем временем у Нины Ивановны подоспели новые доводы:

– Вот твоя Катя памперсы носила? Нет! И Лёша у меня не носил. И что? За раз по трое детей рождает! – Хотя это и прозвучало так, будто Лёша сам рождает по трое детей за раз, Александра Александровна не нашла, чем возразить. Непосредственность Лёшиной мамы заставляла любые аргументы казаться логичными и неоспоримыми.

– И всё-таки... – выразила сомнение Катина мама, – с тройней-то... этак пелёнок не постираешься.

– Вопрос сноровки, – отозвалась Нина Ивановна и принялась по памяти перечислять беды, что приносит использование подгузников: – Искривление ножек – раз! Канцерогены – два! Вот вы не читали, а я читала: даже крупнейшие производители попадают на использовании контрафактного сы-

рья, и – три... Парниковый эффект на коже младенца никто не отменял!

Александра Александровна уже и так выглядела побеждённой, но её сватъе нужен был конкретный результат: полный и безоговорочный переход на пелёнки и хозяйственное мыло.

– Я, конечно, не настаиваю. В конце концов, мы можем проголосовать. Готовы? – Вопрос адресовался скорее хозяйке квартиры, которая доселе не вмешивалась и потому была записана Лёшиной мамой себе в союзницы.

– Если я правильно всё посчитала, – вежливо заметила Евдоксия Ардалионовна, – Катенька родила не меньше всех нас вместе взятых. Наверное, ей тоже стоит дать право голоса.

Нина Ивановна быстро сообразила, что такой поворот сулит ей поражение, и решила пока снять свой вопрос.

На кухню вошла Катя, не ведающая, какие судьбоносные решения чуть было не были приняты в её отсутствие.

– А, Катя! – обрадовалась Нина Ивановна и по праву победившей в научном споре и, стало быть, самой умной на этой кухне, принялась верховодить: – Сядь покушай. Котлеты есть. Хлеб бери.

– Спасибо, котлет не хочу, – ответила невестка. – Я бы борща вчерашнего съела.

– Как это «не хочу»? – удивилась свекровь и принялась

швырять вопрос за вопросом: – Борщ – разве еда? Тебе сил набираться не надо? Ты как будешь на работу выходить?

– Куда ей сейчас на работу? – еле втиснулась в могучий словесный поток Александра Александровна.

– А что? Раньше в поле рожали, – несла неудержимая Нина Ивановна. – Да и Лёша тоже не железный. Мужчин надо беречь. Мой вот до пятидесяти не дожил, царствие небесное.

Происходящее стало напоминать пародию на плохой детектив: кто-то в этой комнате сошёл с ума и, кажется, все уже догадались, кто. Катя недоумевающе посмотрела на маму и бабушку. Они вернули ей такой же взгляд, а Нина Ивановна продолжала, набираясь уверенности, поскольку возражений не поступало:

– Ты, Катя, вошла в нашу семью, так надо уважать устои!

На этих словах Евдоксия Ардалионовна замерла, перестав втягивать чай, и мягко поинтересовалась:

– Напомните, пожалуйста, вы у нас до какого числа?

– У-у! Я же теперь свободная женщина, – Лёшина мама не почувствовала в вопросе никакого подвоха. – Решила на пенсию выйти, новую жизнь начать. Я вам ещё не говорила, чтобы не испортить сюрприз. Буду Кате помогать, внушек поднимать, так что пока тут поживу.

– Скажите, а Алексей в курсе этого сюрприза? – уточнила Евдоксия Ардалионовна, никак не выдав своей обескураженности последней новостью.

– Конечно! Давно! – последовал уверенный ответ. – Я

воспитала ответственного сына. Всем бы матерям этому поучиться. Когда Лёше было четыре года, он мне обещал, что, когда я состарюсь, будет заботиться обо мне и я буду с ним жить. Это был наш договор, так что я за его согласие спокойна.

Больше Нине Ивановне никто не задавал вопросов и тем более не спорил. С сумасшедшими нельзя так. В мелочах лучше соглашаться, поддакивать, избегать обострения. Александра Александровна сделала дочери знак глазами, мол, уйди. Впрочем, Катя и сама сориентировалась, поспешив удалиться, чтоб не рассмеяться в лицо свекрови.

Вот ведь, как бывает: когда видишь таких персонажей в турецких сериалах, никогда не думаешь, что это может случиться в твоей семье и жизни. Самое время набирать в поисковике: «Что делать, если свекровь...»

Лучшие девчонки у нас в клубе

Парни основательно подошли к организации процесса. Заказали стол на десять человек, а еды и напитков – на двадцать. На охоте всегда так делается. Стол стал их уютным штабом и вообще очень приятным местом. Удивительно, почему дичь не шла к нему сама. Скоро, как и полагается, разомлевших охотников потянуло на увлекательные беседы. Над столом зазвучали темы, лишь косвенно относящиеся к повестке:

– А если, например, у неё муж? Можно и по мордасам получить.

– А по мне так муж – это очень хорошо. Значит, точно деньги есть.

– Так ты тогда иди прямо к мужу, зачем тебе посредница? Кому как, а Лёше этот трёп категорически не нравился. Ему сегодня позарез нужна была денежная добыча, особенно после того, как он вместе со всеми скинулся на угощение.

– Может, сделать круг по залу, посмотреть женщин, откалибровать? – предложил он.

Сытые студенты предпочли бы никуда не ходить и даже не вставать, но стыдно отсиживаться, когда зовёт лидер группы. Как утята на прогулке, неровной стайкой они всё-таки прошли по клубу, разглядывая достопримечательности. Вернулись озадаченные и принялись делиться впечатлениями.

Все дамы показались им достаточно неприступными, то есть, прошедшими первую калибровку. По пункту кожа-ногти-волосы тоже был полный порядок. Получалось, что все посетительницы клуба годились в добычу, но в этом и крылась затруднительность. У Лёши и его сокурсников разбегались глаза и опускались руки. Не считалкой же выбирать. Какие-то наверняка лучше других.

– Как узнать, какие богаче?

– Давайте попробуем на какой-нибудь одной, а там видно будет!

– И что? Налоговую декларацию у неё запросим?

– Подойдём присмотримся. Может, на ней одежда дорогая.

– И как мы это узнаем? На ней же ценников не висит.

Так и не продумав концепцию до конца, парни решили подкрасться к первой попавшейся девушке, что мирно паслась возле перил и смотрела на танцпол. По-видимому, она кого-то дожидалась, не подозревая, что на неё вдруг открыли охотничий сезон. Ловчие тем временем подступали всё ближе, ходили кругами, высматривая, хороша ли у неё шкурка.

Жертва, видимо, затылком почуяла, что из темноты за ней следят десять пар насытых глаз. Она осторожно оглянулась, но в тот же миг парни словно по команде отвернулись кто куда. Это было бы смешно в комедии, но бедная девушка не на шутку перепугалась. Ещё чуть-чуть, и она бы бросилась через перила вниз, чтоб не достаться хищникам. Закричать не

получалось: голос парализовало страхом. Обречённая, она безуспешно попыталась до кого-то дозвониться, потом ещё и ещё, но тщетно. Затем, словно смирившись с судьбой, девушка закрыла глаза, дрожащими руками достала что-то из сумочки, сжала в ладонке – и вдруг с проворством лани бросилась прочь, высекая каблуками искры из пола.

– Там у неё ключи от «Ягуара» были, – протянул кто-то, – нам бы подошла.

– Хорошо, что у неё там электрошокера для вас не было. Вы на охоте зайца тоже будете так окружать?

Расстроенные парни вернулись в штаб. Лёшу посетило нехорошее предчувствие: как бы они с горя не начали снова заказывать еду, на которую придётся скидываться.

К счастью, до этого не дошло.

– Нашли! – вдруг вскричал Паша, который до этого вёл себя тише воды, – Это она!

– Что? – Сокурсники приняли вопль Паши за бред умалишённого. – Успокойся! Что случилось?

Все устремили свои взоры к барной стойке, куда показывал возбуждённый Паша.

– Это «Биркин»! – выпучив глаза, прошептал он.

На барном стуле устроилась обычная с виду девушка, каких в клубе было видимо-невидимо, но Паша аж трепетал, глядя на неё.

– Да кто это? – Допытывались его товарищи.

– Это самая дорогая сумка в мире. Вот у кого деньги есть!

Действительно, на барной стойке рядом с девушкой стояла необычайной красоты дамская сумочка, сверкающая застёжками, но студенты не спешили разделить Пашин пыл.

– Мы даже не смотрели кожу-ногти-волосы! Может, она чучундра какая-нибудь!

– У неё крокодиловый «Биркин»! Он, как козырь, кроет всё!

Слышать о таких тонкостях от парня, который додумался прийти в ночной клуб в шортах, было несколько странно. Посыпались справедливые возражения и даже шуточки:

– Конечно! Известные на весь мир сумки дизайнера Вассилия Биркина, кто же их не знает?

– Сдалась тебе какая-то кошёлка. То ли дело – ключи от машины!

– Если сумка стоит два миллиона, то можно себе представить, какая у неё машина, – не унимался Паша. – Украсть такую кошёлку, и можно потом год не работать!

– Можно потом и дольше не работать, если попадёшься.

Впрочем, тон реплик стал сменяться на менее критичный:

– Глядите, у неё и коктейль есть, чтобы вылить себе на штаны. Кто пойдёт попытать счастья?

Тут все разом притихли: страшно вато подкатить к хозяйке самой дорогой в мире сумочки.

– А пусть Лёха идёт первый! Он лучше всех, он и плакать умеет. А мы пока ещё закажем чего-нибудь.

И не успел Лёша придумать хоть какое-нибудь оправдание, как весь штабной столик уже гудел в едином хоре: «Давай-давай-давай!!!»

Ромашкин двинулся к цели, сосредоточенный, как прыгун на разбеге, и вдруг завис. Всё пропало! Дама взяла коктейль в руки. То есть, чтоб облиться, придётся отобрать у неё бокал. Что делать? Подежурить около неё, пока она не отпустит посуду, и быстро опрокинуть? Размышляя, Лёша как кот крался через переполненный танцпол, виляя между скачущими потными телами. Случайно задел кого-то за что-то мягкое, не сводя глаз с цели буркнул «извините», и тут... перед ним вдруг возникла непредвиденная проблема с огненными волосами и плотоядной улыбкой. Кажется, это её Лёша только что тронул, но чего ей надо? Он же извинился!

По всей видимости, мадам восприняла Лёшино касание как знак внимания и отнеслась к этому более чем благосклонно. Она преградила собой проход и, то хлопая в ладоши, то раскрывая объятия, приглашала Лёшу на танец. «Сударь, дайте только намёк, и я буду ваша навеки», – говорила она языком своего тела. Ромашкин не спешил соглашаться с её предложением. Он склонялся к тому, чтоб забраковать её по всем параметрам. Этой даме вообще было бы сложно найти на себя любителя, будь у неё хоть десять «Биркин». Она же, напротив, остановила на Лёше свой выбор и умелыми движениями отсекала пути побега.

Лёша старался не шевелиться, чтобы не дать повода, чтобы ничего не спровоцировать (и это было правильное поведение), но затем он допустил ошибку. На свою беду, Ромашкин улыбнулся даме – то ли из вежливости, то ли с перепугу. Его новая подруга посчитала это согласием и мгновенно завладела Лёшиными руками. Тактичные сопротивления не дали результатов. Несколько движений в такт музыке – и партнёрша крутанулась вокруг себя, завернувшись в Лёшины объятия. Ромашкин отпрянул и, применив значительное усилие, всё-таки вырвался из цепких рук.

Женщина посмотрела на него с одобрением: «Да ты кокетничаешь со мной, мальчик-недотрога?» – и потянулась к Лёше уже не руками, а (боже!) губами. Движимый древним инстинктом, в последний миг Лёша отскочил от неё, как олень от крокодила, и помчался прочь приставными шагами, лавируя между танцующими. Возмущённая хищница, упустив добычу, бросилась было в погоню, но куда там! Его и след простыл.

Ромашкин вернулся в штаб и спрятался за широкими спинами товарищей.

– Повезло тебе сбежать, Лёха. Там и калибровать ничего не надо. Колхоз «Красное вымя».

– Сегодня же первое сентября! Она, наверное, из какой-нибудь школы сбежала. У меня в школе завуч такая же была.

– Ты отдышись, и давай на второй подход. Твоя «Биркин»

заказала новый стакан.

Лёше хотелось поскорей покончить со всем этим. Как пластырь с коленки оторвать. К тому же сегодня ещё подгузники надо купить. Он осмотрелся. Хищной учительницы не было видно, но было благоразумнее двинуться не танцполом, а столиками. Эх, была не была, пошёл.

Ромашкин не знал, что «учительница» запеленговала его тотчас, как только он поднялся, и двинулась наперерез. Лёша обнаружил погоню уже почти добравшись до барной стойки. Там его ждал ещё один неприятный сюрприз: стакан хоть и не был в руках у «Биркин», зато был на обе половины пуст. Как начать знакомство, когда нечем себя облить, а на хвосте погоня? Можно поступить по-д'артаньянски: наброситься на «Биркин» с поцелуем, чтоб «учительница» отступила, увидев, что Лёша занят. Эффектно, но рискованно: может выйти неловко, всё-таки первое впечатление, а Ромашкину её ещё на деньги разводить. Обдумывать второй способ попросту было некогда, оставалось импровизировать.

– Дайте мне пощёчину! – прокричал Лёша над головой «Биркин».

– Что? – переспросила она – не потому, что не расслышала, а потому что не поверила ушам.

– Срочно ударьте меня, так надо!

Девушка не спешила распускать руки. В её глазах читался немой вопрос: «Это какой-то розыгрыш?» Времени на объяснения не оставалось. Ромашкин схватил «Биркин» за за-

пьястье и шлёпнул себя по лицу её рукой. Он неожиданности девушка потеряла равновесие и чуть не свалилась со стула. Дали о себе знать опустошённые бокалы.

Лёша оглянулся посмотреть, получила ли «учительница» его послание, но не нашёл её взглядом. Значит, сработало. Понятно же, что бить мужчину по щекам может только любимая женщина, стало быть, он занят. Можно переходить к обливанию коктейлем. И... чёрт побери! Лёша напрочь забыл, что бокал незнакомки пуст.

– А в чём, собственно говоря, дело? – поинтересовалась девушка, утвердившись между тем на стуле. Она была пьяна, как сапожник. Лёша раскрыл рот, но не успел ответить. На его глазах за спиной у «Биркин» выросла «учительница» и в ту же секунду за волосы стащила первую на пол. «Вот это геморрой», – подумал Лёша и попытался вмешаться, однако был мягко, но решительно отстранён крепкой рукой. Очевидно, «учительница», увидев, как её парня бьёт по щекам какая-то шаболда, вознамерилась проучить обидчицу здесь и сейчас.

«Биркин» не собиралась сдаваться. Она вскочила и вцепилась в волосы «учительнице». Дамы затоптались в обоюдном захвате, норовя совершить амплитудный бросок или ударить соперницу лицом о барную стойку. Лёша, как рефери, втиснулся между ними, но, проигнорированный обеими, бесславно застрял посередине. Меньше, чем через минуту их разняла охрана клуба и Лёшу вместе с его новой подру-

гой выставили через чёрный ход. Старую подругу ненадолго задержали, поскольку она разбила что-то из посуды о головы сотрудников заведения.

Сокурсники провожали Лёшу сочувственными взглядами, но не вмешивались. Во-первых, все на задании. А, во-вторых, как бы это ни было удивительно, Лёша достиг цели: геморрой, что он подкинул девушке с «Биркин», сблизил их в самом неабстрактном смысле.

Это длилось уже четверть часа и было похоже то ли на истерический припадок, то ли на родовые схватки. Хохочущая «Биркин», схватившись за живот и спотыкаясь, ковыляла по ночному городу, а Ромашкин ответственно буксировал её сам не зная куда. Она сквозь смех, икая, успела поинтересоваться у Лёши, как его зовут, и сама представиться Кристиной. Остальное время она безудержно хохотала, иногда прерываясь, чтоб сквозь всхлипывания вставить: «сейчас» или «не могу». Всё закончилось так же внезапно, как и началось. Кристина глубоко вдохнула, выпрямилась, помотала головой и уверенно произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.